

СААДНА Сарра

Стратегии вежливости в речевом акте «просьба» в алжирском и русском учебном дискурсе

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

АВТОРЕФЕРАТ ДИССЕРТАЦИИ
на соискание ученой степени кандидата филологических наук

**Москва
2025**

Работа выполнена на кафедре иностранных языков филологического факультета Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

Научный руководитель: **Ларина Татьяна Викторовна**
доктор филологических наук (10.02.20), профессор,
профессор кафедры иностранных языков филологического факультета
ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

**Официальные
оппоненты:** **Киосе Мария Ивановна**
доктор филологических наук (10.02.19), доцент, главный научный сотрудник Центра социокогнитивных исследований дискурса ФГБОУ ВО «Московский государственный лингвистический университет»
Прошина Зоя Григорьевна
доктор филологических наук (10.02.20), профессор, профессор кафедры теории преподавания иностранных языков факультета иностранных языков и регионоведения ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова»
Берникова Ольга Александровна
кандидат филологических наук (10.02.22), доцент, доцент кафедры арабской филологии ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

Защита состоится «12» декабря 2025 г. в 10.30 на заседании диссертационного совета ПДС 0500.006 при ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» по адресу: 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корпус 2 «А», ауд. 535.

С диссертацией можно ознакомиться в Учебно-научном информационном библиотечном центре (Научной библиотеке) ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» по адресу: 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6.

Объявление о защите и автореферат диссертации размещены на сайтах <http://vak.ed.gov.ru>; <https://www.rudn.ru/science/dissovet/dissertacionnye-sovety/pds-0500006>.

Автореферат разослан «___» _____ 2025 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета ПДС 0500.006,
кандидат филологических наук, доцент

С.С. Микова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Настоящая диссертация представляет собой сопоставительное исследование речевого акта «просьба» в алжирском и русском учебном дискурсе, проведенное на основе прагматического, дискурсивного и социокультурного анализа.

Актуальность исследования. Рост академической мобильности и миграции приводит к созданию мультикультурной академической среды. Это создает трудности и ограничения в общении в аудитории из-за разной культурной и языковой принадлежности участников взаимодействия. Для успешной межкультурной коммуникации студенты и преподаватели должны быть осведомлены о коммуникативных и культурных особенностях, включая характеристики, регулирующие отношения в академическом контексте, в том числе стратегии вежливости, которые определяют их стили коммуникации.

Соблюдение норм вежливости необходимо для обеспечения гармонии и социального равновесия, для эффективной и бесконфликтной коммуникации. Однако концептуализация вежливости и ее проявление в коммуникации в разных языках и культурах имеют свои этнокультурные особенности (Ларина 2009, Ратмайр 2003, Kádár & Haugh 2013, Leech & Larina 2014, Mugford 2020, Sifianou 1992, Watts 2003 и др.). Эти различия проистекают из социальных отношений и конвенций, в основе которых лежат культурные ценности; в результате то, что считается вежливым в одной культуре, может рассматриваться как невежливое или даже грубое в другой.

Чтобы обеспечить эффективное взаимодействие, коммуниканты используют соответствующие стратегии вежливости, уместность которых определяет успех дальнейшего взаимодействия. Их выбор зависит от многих социальных факторов, варьирующих от одной культуры к другой. Следовательно, недопонимание и коммуникативные сбои могут возникать в межкультурной коммуникации из-за различий в отношениях, ценностях и ожиданиях, которые определяют способ декодирования сообщений в каждой культуре (Matsumoto & Juang 2008). В результате крайне важно быть осведомленным о стандартах и правилах общения, включая понимание вежливости и то, как она проявляется в целевой культуре в различных речевых актах, поскольку на этом понимании строится успешная межкультурная коммуникация (Larina 2015).

Просьба – это угрожающий лицу речевой акт ('face-threatening speech act')¹, когда говорящий побуждает слушающего сделать что-то в своих интересах, тем самым ограничивая его свободу. Исследователи (Brown, Levinson 1987) полагают, что чем большее воздействие оказывается на собеседника, тем более интенсивно необходимо использовать стратегии вежливости. Такое понимание в целом способствует успешной коммуникации. Однако степень «угрозы лицу» определяется социокультурными переменными каждой культуры, которые регулируют отношения собеседников, среди которых – власть, т.е. вертикальная дистанция (PD), социальная дистанция между собеседниками, или горизонтальная дистанция (SD), и степень оказываемого воздействия (Rank of imposition) (R), которые играют решающую роль в выборе и использовании стратегий вежливости, но при этом по-разному понимаются и воспринимаются в разных культурах

Хотя речевой акт (в дальнейшем – РА) «просьба» в алжирском арабском привлекал внимание исследователей (например, Atamna 2016; Hadj Said 2016, 2018; Lounis 2019;

¹ Для обозначения таких актов предлагается также использовать термин «лицеугрожающий речевой акт» (Ларина 2025).

Sekkal 2018 и др.), количество прагматических исследований остается относительно небольшим, особенно тех, которые сосредоточены на академическом контексте. Более того, ни в одном из предыдущих исследований алжирская вежливость не сравнивалась с другими неанглоязычными культурами.

Таким образом, **актуальность** настоящего исследования определяется следующими факторами: (1) мультикультурная среда, характерная для современных университетов, определяющая растущий интерес к учебному дискурсу в различных культурных контекстах и необходимость изучения академического дискурса с межкультурной точки зрения; (2) расширение сотрудничества в области образования и рост академической мобильности между Алжиром и Россией, которые делают необходимым выявление различий в дискурсивных практиках и стратегиях вежливости алжирских и русских преподавателей и студентов, знание которых может способствовать эффективной межкультурной коммуникации в образовательном контексте; (3) важность определения культурных ценностей и норм, которые формируют понимание вежливости и определяют выбор стратегий вежливости в различных речевых актах; (4) ограниченное изучение вежливости в академическом дискурсе в целом и в речевом акте «просьба» в частности в алжирском арабском по сравнению с другими языками; (5) необходимость продолжения исследования влияния культуры на стили коммуникации.

Степень научной разработанности проблемы исследования. Для изучения культурной специфики реализации различных РА были проведены многочисленные исследования (Eslami 2005; Eslami et al. 2023; Haugh & Chang 2019; Iliadi & Larina 2017; Litvinova & Larina 2023; Ogiermann 2009; Qari 2017; Reiter 2000; Sazalie & Al-Marrani 2010; Trosborg 1995; Wierzbicka 2003, Zbenovich et al. 2024 и др.). РА «просьба», представляющий собой угрозу лицу, находится в центре кросс-культурных исследований РА со времен проекта CCSARP (Cross-Cultural Study of Speech Act Realization Patterns) (Blum-Kulka 1989) (см., например, Fukushima 1996, 2002; Liao 1997; Lounis 2019; Ogiermann 2009; Pinto & Raschio 2007; Reiter 2000; Yu 2011 и др.).

Что касается арабского языка, который по своей сути гетерогенен, его диалекты в прагматическом аспекте изучены в разной степени. Большинство исследователей арабского языка интересуются иорданским и египетским диалектами, уделяя меньше внимания иракскому и йеменскому диалектам. Исследования в странах Магриба (Алжире, Марокко, Тунисе и Ливии) немногочисленны, что вызвало пробел в литературе и необходимость проведения дальнейших исследований. Хотя РА «просьба» в алжирском арабском исследовался рядом авторов (Atamna 2016; Hadj Said 2016; Lounis 2019), количество работ по-прежнему ограничено, и они не касались категории вежливости в алжирском диалекте арабского языка.

В связи с мультикультурностью академической среды и дискурсивным подходом к изучению вежливости все большее внимание исследователей привлекает реализация различных РА в академическом дискурсе в разных культурных контекстах. Были проведены сопоставительные социопрагматические исследования речевых актов «обращение» (Formentelli 2009; Soomro & Larina 2022, 2023, 2024; Zhou & Larina 2024), «критическое замечания» (Mey 2007; Zbenovich et al. 2024), «комплимент» (Dilek 2020; Tanju et al. 2023) и др. Были выявлены лингвокультурные особенности взаимодействия китайских и российских преподавателей и студентов (Zhou & Larina 2024) с фокусом на РА «обращение», «благодарность» и «извинение». Исследовались особенности электронной коммуникации иностранных студентов с американскими преподавателями (Alemi & Maleknia 2023) и др.

Однако ни в одном исследовании не проводилось сравнительного изучения вежливости в РА «просьба» в алжирском арабском и русском языках. Ограниченное знание о прагматических особенностях алжирского арабского и русского языков связано не только с акцентом исследователей на западноевропейские языки, но и с тем, что большинство исследований РА на этих языках опубликовано на арабском или русском языках, мало доступных для международной научной общественности. С расширением межкультурного сотрудничества в области образования носители этих языков (арабского и русского) часто оказываются в непосредственном контакте. Их ограниченное знание языка и культуры друг друга может привести к коммуникативным сбоям и недопониманию. Эта потенциальная возможность нарушения общения обосновывает необходимость дальнейших исследований. Таким образом, в данной работе исследуются стратегии вежливости в выражении просьбы в алжирской и русской учебной аудитории. В фокусе внимания – сходства и различия в использовании стратегий вежливости в симметричных (линейных) и асимметричных (восходящих и нисходящих) контекстах, каждый из которых также характеризуется различными уровнями воздействия (R).

Гипотеза исследования. Различия в таких социокультурных параметрах, как власть (PD), дистанция (SD) и степень воздействия (R), в алжирском и русском учебном дискурсе проявляются в использовании стратегий вежливости при выражении просьбы.

Цель – выявить и сопоставить стратегии вежливости, используемые при выражении просьбы в алжирском и русском учебном дискурсе, и определить, как социокультурные переменные влияют на их выбор, интерпретируя наблюдаемые различия через призму культуры и сознания.

Для достижения поставленной цели необходимо было выполнить следующие исследовательские задачи:

- 1) рассмотреть существующие теории и подходы к изучению вежливости и выбрать наиболее эффективный из них для данного исследования;
- 2) определить социокультурные факторы и ценности, формирующие понимание вежливости в алжирской и русской культурах;
- 3) критически изучить идею о косвенных речевых актах и установить, относится ли просьба к данной категории в межкультурном контексте;
- 4) определить стратегии вежливости и языковые средства их реализации, используемые для выражения просьбы в алжирской и русской учебной аудитории;
- 5) выявить сходства и различия в выражении просьбы в учебном дискурсе носителями алжирского арабского и русского языков в симметричных и асимметричных контекстах;
- 6) проследить, как различия в социокультурных ценностях, в вертикальной и горизонтальной дистанции, а также степени воздействия могут влиять на выбор стратегий вежливости;
- 7) интерпретировать выявленные различия с точки зрения культуры, коммуникативных ценностей, социальных ролей и сознания.

Объект данного исследования – речевой акт «просьба» в алжирском и русском учебном дискурсе.

Предмет – стратегии вежливости, используемые для выражения просьбы в алжирском и русском учебном дискурсе, и социокультурные факторы, влияющие на их выбор.

Материал и методология исследования. Материал для исследования был получен с помощью анкеты на завершение дискурса – Discourse Completion Task (DCT) – с

участием 140 студентов университетов (70 алжирских и 70 русских). Анкетирование проводилось среди алжирских студентов факультета арабской литературы Университета Хадж Лахдер (Университет Батна 1) в алжирской провинции Батна и студентов филологического факультета Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы (РУДН) в Москве. Участников попросили указать, что бы они сказали в различных ситуациях, связанных с просьбой, в контексте аудитории. Анкета (DCT) была составлена на английском языке, а затем переведена на арабский и русский языки. Цель анкетирования заключалась в исследовании выбора алжирскими и арабскими студентами стратегий вежливости в трех контекстах: (1) просьба студента к преподавателю; (2) просьба преподавателя к студенту; (3) просьба студента к студенту. Были предоставлены три ситуации, которые различались по степени воздействия (низкая, умеренная и высокая). В целом было собрано и проанализировано количественно и качественно 1260 высказываний, содержащих просьбу. Они были подвергнуты дискурсивно-прагматическому и социокультурному анализу, нацеленному на выявление влияния социокультурных переменных на форму просьбы, выбор стратегий вежливости и использование средств смягчения данного РА.

Теоретико-методологическая основа исследования. В исследовании использовался междисциплинарный подход, включающий актуальные направления лингвистики и смежных областей, среди которых:

- *Анализ дискурса* (Alba-Juez 2009; Fairclough 2010; Kiose et al. 2024; Ponton & Larina 2016, 2017; Van Dijk 2009; Zappettini et al. 2021 и др.);
- *Кросс- и межкультурная прагматика* (Blum-Kulka, House & Kasper 1981, 1989; Fukushima 1996, 2000; Kecskes 2014; Ogiermann 2009; Pizziconi 2003; Qari 2017; Reiter 2000; Sazalie & Al-Marrani 2010; Wierzbicka 2003 и др.);
- *Теория речевых актов* (Austin 1962; Cooren 2015; Holtgrave 2002; Huang 2009; Sbisà 2009; Searle 1969, 1975, 1979; Yule 1996, 2006; Wijana 2021 и др.);
- *Теория вежливости и невежливости* (Bousfield 2008; Brown & Levinson 1987; Culpeper et al. 2017; Eelen 2001; Haugh 2007; Kádár & Haugh 2013; Larina 2009, 2015; Larina & Ponton 2020, 2022; Leech 1983, 2014; Locher 2008, 2012, 2015, 2018; Locher & Watts 2007; Lounis 2019; Mills 2003, Sifianou 1992; Watts 2003 и многие др.);
- *Социолингвистика и исследования идентичности* (Atkinson 2002, 2014; Eslami et al. 2023; Ervin-Tripp 1986; Fasold 1990; Holmes 2013; Trudgill 2000; Wardhaugh 2006; Wardhaugh and Fuller 2021);
- *Культурология и межкультурная коммуникация* (Hofstede, 2011, 1991; Jandt 2017; Kabakchi & Proshina 2021, Larina 2013, Larina et al. 2017 a,b; Triandis 2018; Triandis & Gelfand 2012).
- В исследовании также использовались работы по *академическому дискурсу* (Boer 2009; Donato 2004; McCarthy 1991; Mitiku 2022; Nunan 1999; Soleman Awad & Afzal Khan 2019; Suhaili & Haywood 2017 и др.) и *речевому акту «просьба»* (Achiba 2003; Blum-Kulka et al. 1989; Blum-Kulka & Olshtain 1984; Dendenne 2017; Faerch & Kasper, 1989; Hadj Said 2016; House & Kasper 1987; Kotorova 2016; Larina 2003, 2008; Lounis 2019; Ogiermann 2009; Qari, 2017; Trosborg 1995; Wierzbicka 1985, 1992, 2003 и др.).

Научная новизна. Данная диссертация является первым сопоставительным исследованием категории вежливости в алжирском арабском и русском учебном дискурсе, проведенном на основе дискурсивно-прагматического и социокультурного анализа. В ней впервые определены сходства и различия в выборе стратегий вежливости и языковых средств их реализации, выявлены различия в степени прямолинейности и косвенности в

выражении просьбы в алжирском и русском учебном дискурсе, продемонстрировано влияние социокультурных факторов – дистанции власти (PD), социальной дистанции jkl и степени воздействия (R), а также культурных ценностей на выражение просьбы в ассиметричных и симметричных контекстах. Представлены новые данные о влиянии культурного и социального контекста на использование языка.

Теоретическая значимость. Диссертация продемонстрировала эффективность дискурсивного подхода к изучению вежливости в разных культурах, который позволил проследить влияние различных социальных и культурных переменных на выражение просьбы и уточнить существующие теоретические взгляды и подходы. Полученные результаты подтвердили, что тип просьбы (прямой или косвенный) и выбор стратегий вежливости определяются социальными переменными – власть (PD), дистанция (SD) и степень воздействия (R), но их влияние на дискурсивные практики культурно вариативно. Исследование выявило различия в степени прямолинейности и косвенности просьбы в алжирском и русском учебном дискурсе, сосредоточив внимание на выборе стратегий вежливости, внутренних и внешних модификаторах, используемых для уменьшения воздействия, и продемонстрировало связь выявленных различий с социокультурными факторами. Полученные данные ставят под сомнение идею о том, что просьба является косвенным речевым актом (Searle 1975). Они продемонстрировали, что в культурах, основанных на близости и взаимозависимости, просьба представляет меньшую угрозу, чем в индивидуалистических англосаксонских культурах, и может быть выражена как косвенно, так и прямо. При этом прямая просьба не обязательно противоречит вежливости, которая может передаваться другими языковыми средствами. Полученные результаты могут внести вклад в социалингвистику, межкультурную прагматику, анализ дискурса, лингвокультурологию и межкультурную коммуникацию, предоставляя новые данные и расширяя понимание влияния культуры и сознания на язык и его функционирование в различных социокультурных контекстах.

Практическая значимость. Основные выводы могут стимулировать дальнейшие исследования речевых актов в разных языках и культурах. Они могут быть использованы для подготовки теоретических курсов и учебных пособий по кросс-культурной прагматике, социалингвистике, дискурс-анализу, сопоставительной лингвистике и лингвокультурологии. Также они могут найти применение в преподавании арабского и русского языка как иностранного, а также в теории и практике перевода и межкультурной коммуникации.

Положения, выносимые на защиту:

1. Дискурсивный подход к изучению вежливости позволяет определить влияние различных социальных и культурных переменных на реализацию речевого акта «просьба» и уточняет существующие теоретические взгляды и подходы. Таким образом, он не только способствует пониманию кросс-культурных коммуникативных различий, но и расширяет представление о различных моделях вежливости, подчеркивая ее роль в использовании языка.
2. Тип просьбы (прямая или косвенная) и выбор стратегий вежливости определяются такими параметрами, как власть (PD), дистанция (SD) и степень воздействия (R); однако их влияние на выражение просьбы культурно вариативно. В алжирском контексте наиболее влиятельный фактор – дистанция власти, в то время как в русском – степень воздействия, хотя влияние вертикальной и горизонтальной дистанции также наблюдается.
3. Идея о том, что просьба представляет собой косвенный РА, широко принятая в англоязычном научном сообществе, неприменима к арабской и русской культурам,

где просьба может быть выражена как косвенно, так и прямо. Кроме того, прямолинейность в просьбе не обязательно противоречит вежливости, которая может быть передана другими языковыми средствами (например, обращением на "Вы" в русском языке, обращением по терминам родства, а также религиозным благословением в арабском).

4. Хотя просьба выражается как прямо, так и косвенно в обоих культурных контекстах, в алжирском наблюдается тенденция к ее большей прямолинейности, чем в русском, во всех рассмотренных ситуациях. В русском контексте просьба часто выражается косвенно, что достигается через использование стратегий негативной вежливости (стратегий дистанцирования), а также внутренних и внешних модификаторов, которые менее характерны для алжирского учебного дискурса.
5. Более прямой стиль просьбы в алжирском учебном дискурсе по сравнению с русским, объясняется более значительной вертикальной дистанцией, которая предписывает прямолинейность во взаимодействии сверху вниз, и менее выраженной горизонтальной дистанцией, которая допускает прямолинейность в линейных отношениях и, в некоторой степени, даже в отношениях снизу вверх. Русский дискурс отражает иной баланс социальных переменных и ценностей, а также социальных ролей преподавателя и студента.
6. Результаты исследования подтверждают взаимосвязь между языком, культурой, сознанием и коммуникацией, предоставляя новые данные, и показывают, как социокультурные факторы влияют на коммуникативное поведение, формируя этнокультурные стили коммуникации. Полученные результаты могут найти как теоретическое, так и практическое применение.

Научная обоснованность и достоверность выводов подтверждается глубоким изучением и критическим анализом научной литературы по теме диссертации, внушительным объемом эмпирических данных и их комплексным количественным и качественным анализом.

Апробация диссертации. Основные результаты и выводы исследования были представлены в шести публикациях, которые включают три статьи, индексируемые в международных базах данных Scopus и Web of Science, одну статью в рецензируемых журналах, включенных в список Высшей аттестационной комиссии РФ, и одну публикацию в смежном издании. Общий объем составляет 68 стр., из которых автору принадлежит 45 стр.

Результаты работы были представлены на 11 международных конференциях: (1) 2-я Международная конференция по прикладной лингвистике (IALC), Университет Касди Мербах, Уаргла, Алжир, 2 - 3 мая 2023 г.; (2) VII Всероссийская научно-практическая конференция «Актуальные проблемы межкультурной коммуникации», 27 марта 2024, РУДН, Москва; (3) Международная научно-практическая конференции «Язык и коммуникация в контексте культуры», 10 апреля 2024, Ростовский государственный экономический университет РИНХ, Ростов-на-Дону; (4) II Международная научная конференция студентов и молодых ученых «В целях устойчивого развития цивилизации: сотрудничество, наука, образование, технологии», 21-24 ноября 2023 г., РУДН, Москва; (5) Первый Евразийский конгресс лингвистов, 10 декабря 2024, Институт языкознания Российской академии наук, Москва; (6) Четвертая международная конференция по полевой лингвистике, 29 ноября 2024, Институт языкознания Российской академии наук, Москва; (7) Международная конференция «Инновации в изучении языков», 6 ноября 2024, Флоренция, Италия; (8) V Всероссийская научно-практическая конференция молодых учёных-востоковедов, 6 декабря 2024, РУДН, Москва, Россия; (9) V Международная

научно-практическая конференция «Лингвистика дистанцирования. Генезис цивилизации: язык, культура и человек в XXI веке», 29-31 января 2025, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва; (10) Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов-2025», 11-25 апреля 2025, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва; (11) VII международная конференция «Фирсовские чтения: Язык. Культура. Коммуникация», 23-25 октября 2025, РУДН, Москва.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы (включающего 264 источника) и двух приложений, содержащих анкеты на алжирском арабском и русском языках.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Во **введении** определяются проблема и актуальность исследования; формулируются исследовательская гипотеза, цели, задачи и положения, выносимые на защиту, на основе которых строится настоящее исследование; также описываются материал и методология исследования; обосновываются его научная новизна, теоретическая и практическая значимость; приводятся сведения об апробации полученных результатов.

Глава I Вежливость как социокультурный и социопрагматический исследовательский феномен посвящена современным теоретическим исследованиям категории вежливости. В ней приводятся определения вежливости, называются ее типы, анализируются подходы к изучению вежливости и связанные с ней концепции и теории, такие как теория имплицатур Грайса (Grice 1975), понятие лица Гоффмана (Goffman 1987, 1971) и др. Особое внимание уделяется теории вежливости П. Браун и С. Левинсона (Brown & Levinson 1987), являющейся на протяжении нескольких десятилетий одной из наиболее значимых теорий в области прагматики, социолингвистики и дискурс-анализа. Рассматриваются выделенные ими основные типы вежливости – *негативная вежливость (Negative Politeness)*, нацеленная на дистанцирование, и *позитивная вежливость (Positive Politeness)*, основанная на сближении. Разнонаправленность стратегий данных типов вежливости побудила исследователей использовать термины *вежливость дистанцирования* и *вежливость сближения* (Ларина 2009, 2015 и др.).

В главе также освещаются другие точки зрения, критиковавшие теорию вежливости П. Браун и С. Левинсона, и приводятся их основные аргументы. Обосновывается значимость дискурсивного подхода к исследованию вежливости и перечисляются его преимущества, среди которых основными являются: (1) учет влияния контекста на выбор стратегий вежливости; (2) внимание не только к действиям говорящего, но и к их восприятию слушающим; (3) введение в исследовательское поле невежливости.

В отдельном параграфе – 1.3. *Вежливость в языках и культурах* – на основе анализа кросс-культурных исследований рассматривается специфика вежливости и ее концептуализация в разных лингвокультурах. Подчеркивается, что, являясь по своей сути универсальной коммуникативной категорией, вежливость обладает этнокультурными особенностями, проявляющимися в различиях в использовании стратегий вежливости и выборе языковых средств для их реализации.

Завершается глава параграфом 1.4, посвящённым рассмотрению алжирской и русской культур и их ценностей, формирующих понимание вежливости. Отмечается, что социальная организация алжирского общества характеризуется значительной вертикальной дистанцией, основанной на высоком индексе власти, и в то же время менее

выраженной, чем в русской культуре, социальной (горизонтальной) дистанцией. На их основе формируются такие ценности, как уважение к старшим по возрасту и, или статусу, и в то же время близость отношений, предписываемая исламской культурой, в которой все люди – братья. Данные ценности регулируют коммуникативное поведение во всех сферах алжирского общества, включая академическую.

Глава II Вежливость и речевой акт «просьба» включает в себя четыре основных раздела.

Первый раздел посвящен теории речевых актов, основателями которой считаются Дж. Остин (Austin 1962) и Дж. Серль (Searle 1969). В основе данной теории лежит идея о том, что слова используются не только для описания событий, но и для совершения определенных действий, другими словами – речевых актов.

Во втором разделе дается типология речевых актов и определяется место в ней речевому акту «просьба». Отмечается, что он относится к группе директивных речевых актов, которыми говорящий побуждает слушающего к определенным действиям. В результате они ограничивают свободу слушающего и несут некоторую угрозу его независимости, его негативному лицу. По этой причине данные акты называются *угрожающими лицу речевыми актами* (Face Threatening Acts), или *лицеугрожающими речевыми актами* (Ларина 2025).

Исследователи утверждают, что просьба может выражаться прямо или косвенно. По степени прямолинейности / косвенности выделяются три основных типа просьбы – прямая (*direct*), конвенционально косвенная (*conventionally indirect*) и неконвенционально косвенная (*non-conventionally indirect*) (Blum-Kulka et al. 1989). Данная типология будет использована в нашем исследовании с основным фокусом на прямые и косвенные типы просьбы.

В параграфе 2.3 анализируются основные стратегии, используемые для выражения просьбы, и языковые средства и модели их реализации, среди которых – императивные и перформативные высказывания, вопросительные высказывания с модальными глаголами, а также имплицитные способы выражения просьбы (намеки). Обращается внимание на различные синтаксические модели: ориентированные на слушающего, ориентированные на говорящего, инклюзивные и безличные. Отдельно рассматриваются внутренние и внешние модификаторы, смягчающие иллокутивную силу просьбы, последние называются также прагматическими ходами, или поддерживающими ходами (*supportive moves*) (Blum-Kulka et al. 1989). Они сопровождают базовый акт (*head act*) просьбы в целях его смягчения.

Заключительный параграф данной главы посвящен рассмотрению РА «просьба» в кросс-культурном аспекте. Подчеркивается, что реализация просьбы, как и других речевых актов, определяется социокультурными ценностями и нормами (Kecskes 2014, Trosborg 1995, Wierzbicka 1991/2003 и др.). Приводятся основные результаты исследований просьбы в мексиканской, испанской, польской, немецкой и других лингвокультурах.

Завершается данная глава кратким обзором исследований, посвященных выражению просьбы в различных диалектах арабского языка, в том числе в алжирском, а также в русском языке.

Глава III. Сопоставительный анализ стратегий вежливости в речевом акте «просьба» в алжирском и русском контексте содержит результаты эмпирического исследования, нацеленного на выявление сходств и различий в реализации данного РА в алжирском и русском учебном дискурсе. Глава содержит три раздела.

В разделе 3.1 подробно описаны материал исследования, инструменты его сбора и методология анализа, которая носит комплексный характер. Она частично базируется на проекте CCSARP (Cross-Cultural Study of Speech Act Realization Patterns) (Blum-Kulka 1989), дополняя его теорией вежливости П. Браун и С. Левинсона (Brown & Levinson 1987), но при этом рассматривает стратегии вежливости и средства их реализации с позиций дискурсивно-прагматического подхода к исследованию вежливости. Формулируются основные исследовательские вопросы: (1) Какой тип просьбы – прямой или косвенный – преобладает в нисходящем, восходящем и линейном контекстах в алжирском и русском учебном дискурсе? (2) Как и в какой степени представители сопоставляемых культур смягчают иллокутивную силу просьбы, какие стратегии вежливости и языковые средства они для этого используют? (3) В какой степени стратегии вежливости, используемые алжирскими и русскими коммуникантами различаются? (4) В какой степени власть, дистанция и степень воздействия влияют на их выбор?

В последующих трех разделах проводится сопоставительный анализ выражения просьбы в трех социальных контекстах: 3.2 – в восходящем контексте (просьба студента к преподавателю); 3.3 – в нисходящем контексте (просьба преподавателя к студенту); 3.4 – в линейном контексте (просьба между студентами). При этом каждая из данных ситуаций рассматривалась с учетом третьей переменной – степени воздействия, которая варьирует от низкой (элементарная просьба), до умеренной (просьба средней сложности) и высокой (сложная просьба). В результате сопоставительному анализу подверглись девять ситуаций.

В главе представлены результаты сопоставительного количественного и качественного анализ просьбы в алжирском и русском учебном дискурсе с учетом различных социальных факторов – власти (PD), дистанции (SD) и ступени воздействия просьбы на адресата (степени ее трудоемкости) (R). Полученные результаты обсуждаются и интерпретируются. Кратко остановимся на рассмотренных контекстах.

В разделе 3.2 *Восходящий контекст (просьба студента к преподавателю)* рассматриваются типы просьбы алжирских и русских студентов к преподавателю с учетом ее трудоемкости в трех различных ситуациях: элементарная просьба (просьба повторить сказанное), просьба средней сложности (просьба отправить домашнее задание по электронной почте) и высокой (просьба о дополнительной консультации). В данном контексте индекс власти значительный, а отношения между студентами и преподавателями характеризуются некоторой социальной дистанцией во всех ситуациях.

Полученные данные показали, что при обращении к преподавателям как алжирские, так и русские студенты отдавали предпочтение косвенной просьбе, хотя использовалась и прямая (Рис.1).

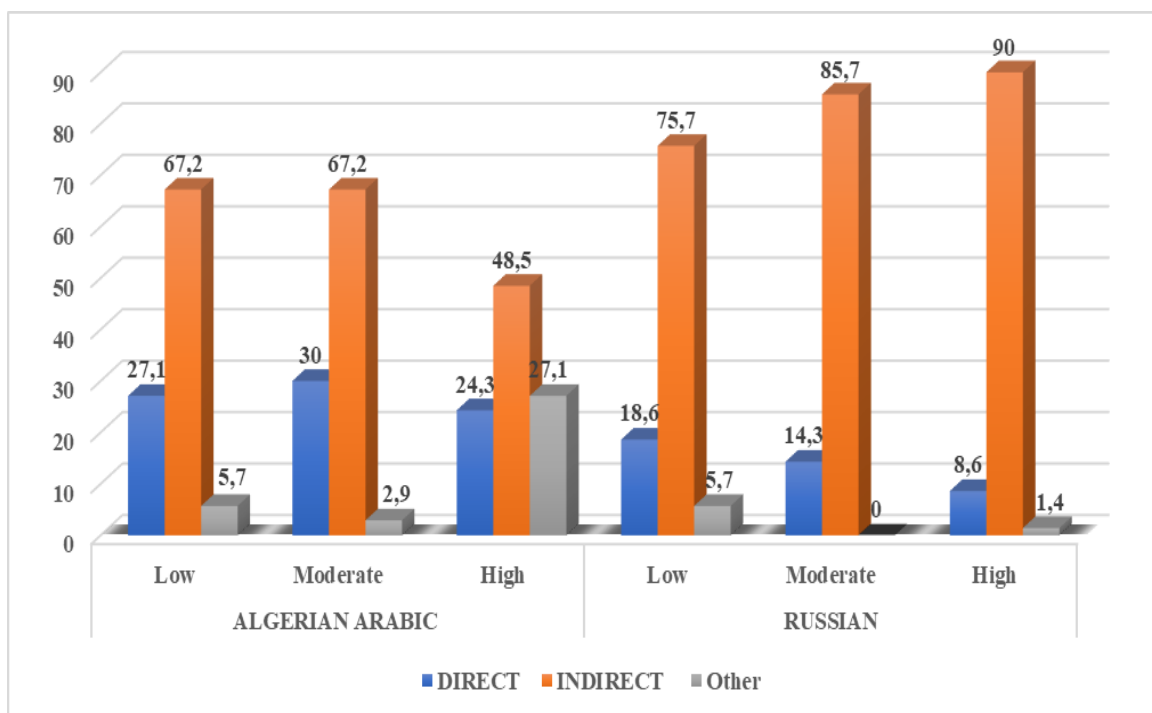

Рисунок 1: Просьба студента к преподавателю

Обе группы информантов выражали косвенные просьбы в виде вопросительных конструкций с модальным глаголом *تقدر/мочь*. В русском материале мы также наблюдали *(не) мог бы*. Вопрос о возможности адресата совершить действие направлен на смягчение иллюкутивной силы просьбы с помощью внутренней модификации основного акта:

- (1) *تقدر تعاودلي من فضلك؟ (Вы можете повторить, пожалуйста?)*
- (2) *Можете повторить, пожалуйста?*

Модальный глагол *мог бы*, который в русском контексте встречается и с отрицанием, используется для придания высказыванию гипотетичности, минимизирующей предположение о возможности адресата совершить действие, и привносит некоторый пессимизм. Кроме того, отрицание выступает здесь как синтаксический модификатор и маркер стратегии негативной вежливости "Будьте пессимистичны", что снижает прямоту просьбы:

- (3) *(Не) могли бы Вы отправить задание мне на почту?*

Результаты показывают четкую корреляцию между степенью косвенности и воздействия (трудоемкости) в русском контексте. По мере усиления воздействия частотность прямых просьб снижается, в то время как косвенных возрастает. В третьей ситуации, связанной с высоким уровнем воздействия (просьба о дополнительной консультации), частотность косвенных просьб среди русских студентов достигла 90%, в отличие от 48,5% в алжирском материале:

- (4) *Не могли бы Вы дать мне консультацию по пропущенной теме?*

В алжирском контексте соотношение между косвенностью и степенью воздействия просьбы на адресата (ее трудоемкостью) менее очевидна, что иногда приводит к неожиданным противоречиям. Например, в ситуациях 1 (просьба к преподавателю повторить сказанное) и 2 (просьба прислать домашнее задание по электронной почте), характеризующихся низким и умеренным уровнями сложности, доля косвенных высказываний соста-

вила 62,7 %. Однако в ситуации 3, характеризующейся высоким уровнем трудоемкости, а значит и воздействия на адресата (просьба о дополнительной консультации), доля косвенных высказываний снизилась до 48,5 %.

- (5) *دكتور الله يحفظك تقدر تعطيني استشارة بعد الحصة (Доктор, да хранит вас Бог, не могли бы вы дать мне консультацию после занятий?).*
(6) *استاذ من فضلك استشارة (Учитель, пожалуйста, проконсультируйте меня).*

Возможно, алжирские студенты компенсировали свой низкий уровень косвенности в этой ситуации тем, что предпочитали вообще не обращаться с просьбой к преподавателю. В 27,1% случаев они отметили, что не стали бы просить преподавателя о дополнительной консультации, чтобы не отнимать у него время. Некоторые студенты высказали предположение о возможной негативной реакции преподавателя в ответ на такую просьбу.

Что касается синтаксических моделей просьбы и их корреляции с их сложностью, то было замечено, что русские студенты в данной ситуации используют не только ориентированные на адресата высказывания (57,1 %) (пример 7), но и высказывания, ориентированные на говорящего (14,3 %) (пример 8), выводя таким образом адресата из дискурса, а также безличные высказывания (11,4 %), в которых отсутствуют как адресат, так и адресант (пример 9), что соответствует стратегиям негативной вежливости.

- (7) *Можете найти время для меня и провести консультацию по пропущенным темам?*
(8) *Могу я попросить Вас дать мне консультацию. пожалуйста?*
(9) *Возможно ли провести консультацию по теме, которую я пропустила?*

В алжирском материале единственным синтаксическим модификатором был модальный глагол *تقدر* 'могу', который использовался в разных синтаксических моделях, особенно в третьей ситуации:

- (10) *أستاذ نقدر نستشيرك على الدروس اللي فاتتني (Учитель, могу ли я посоветоваться с вами о том, что я пропустил?)*
(11) *كاين إمكانية تعاودلي الدروس اللي فاتتني كي كنت مريض (Есть ли возможность повторить для меня занятия, которые я пропустил, когда болел?)*

При низкой и умеренной сложности просьбы алжирские студенты чаще всего использовали высказывания, ориентированные на адресата. Данный результат согласуется с наблюдениями исследователей, которые утверждают, что избегание называть слушателя в качестве действующего лица может снизить уровень воздействия, оказываемого на него (Blum-Kulka et al. 1989: 19). Дж. Лич (Leech 1983) также отмечал, что просьбу можно смягчить, намеренно избегая прямого обращения к адресату и фокусируясь на говорящем (Leech 1983: 134). Безличные высказывания в еще большей степени смягчают воздействие на адресата, оформляя подразумеваемое действие на него как гипотетическую возможность.

Анализ использования лексических модификаторов показывает, что русские студенты в основном предпочитали маркер вежливости *пожалуйста*, что говорит о культурной предрасположенности к вежливой просьбе. Хотя традиционно маркер вежливости *пожалуйста* использовался в русском языке исключительно в императивных конструкциях (Betsch 2003: 280), в нашем материале он также встречался в вопросительных высказываниях о возможности адресата совершить действие (40% в ситуации 1, 44,2% в ситуации 2 и 11,4% в ситуации 3), что свидетельствует о тенденции к увеличению неимпозитивности в русской коммуникативной культуре:

(12) Можете повторить, пожалуйста, что Вы сказали?

Алжирские студенты для смягчения просьбы предпочитали использовать религиозные благословения, *ربي يفضلك، ربي يخليك*... (Пусть Бог защитит вас, пусть Бог даст вам долгую жизнь...):

(13) الشيخ الله يحفظك تقدر تعاود واش قلت؟ (Шейх, да хранит вас Аллах, можете повторить то, что вы сказали?)

(14) الله يحفظك أستاذ / تقدر تبعتلي الواجب بالايمل (Да хранит вас Бог, учитель, можете ли вы отправить домашнее задание по электронной почте?)

Данное расхождение подчеркивает глубокое влияние культурных традиций на формирование дискурсивных практик. Алжирцы опираются на религиозные основы, чтобы выразить уважение и вежливость.

Помимо внутренних модификаторов, в качестве внешних модификаторов главного акта просьбы, смягчающих его иллокутивную силу, использовались вспомогательные поддерживающие ходы (обоснование, извинение, обращение). Как показал количественный анализ, в целом, русские респонденты продемонстрировали тенденцию к более частому использованию поддерживающих ходов (Рис. 2).

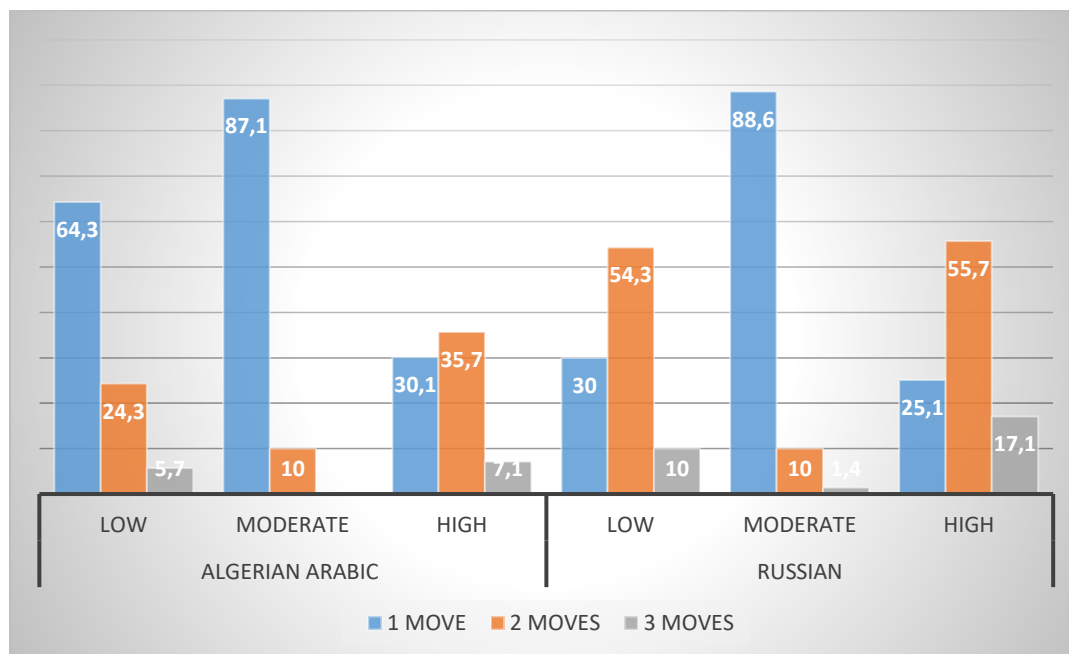

Рисунок 2. Длина просьбы студента к преподавателю

В первой ситуации, характеризующейся низким уровнем воздействия (элементарная просьба), алжирские студенты преимущественно использовали прямой стиль общения, отдавая предпочтение одному ходу, т.е. ограничиваясь базовым высказыванием, содержащим просьбу (64,3%), лаконичной просьбой:

(15) واش قلت عاود (Повторите то, что вы сказали).

Русские студенты, напротив, продемонстрировали тенденцию к многоходовым высказываниям, особенно к двухходовым (54,3%). Они часто сопровождали просьбу извинением, используя таким образом стратегию негативной вежливости, которая показывает нежелание говорящего оказывать воздействие на адресата и тем самым подтверждает его желание к сотрудничеству:

(16) *Извините, не могли бы Вы повторить?*

10% русских студентов выразили элементарную просьбу при помощи трех ходов, добавляя к извинению обоснование просьбы:

(17) *Извините, можете, пожалуйста, повторить? Я не расслышала.*

Такое поведение свидетельствует о том, что русские студенты более осознанно относятся к угрожающему характеру просьбы, т.е. к оказанию воздействия на адресата, даже в ситуациях с ее минимальной трудоемкостью.

Неожиданным оказался тот факт, что, когда во второй ситуации степень воздействия на адресата увеличилась до умеренного уровня, обе группы продемонстрировали сокращение длины просьбы и предпочли ограничиться одним ходом, частотность высказываний с двумя и тремя ходами снизилась. Подобная адаптация демонстрирует, на наш взгляд, стратегическую попытку сбалансировать вежливость и краткость, упростить просьбу, а не усложнять ее обоснованиями или извинениями. Этот результат подчеркивает идею о том, что при умеренном уровне воздействия на адресата эффективность коммуникации превалирует над экстенсивными стратегиями вежливости.

Хотя алжирские и русские студенты использовали в данной ситуации одинаковое количество просьб с двумя ходами (10%), в их предпочтениях проявились различия. Русские студенты использовали преимущественно извинения, в алжирском материале наблюдалось чередование извинений и обоснований просьбы:

(18) *أستاذة تقدرني تيعثيلي الواجب بالايمل لاني عندي ظرف خاص (Учительница, не могли бы вы прислать мне домашнее задание по электронной почте, потому что у меня есть определенные обстоятельства).*

(19) *اسمحي الشيخ، معليش تعثلي الواجب بالايمل؟ (Извините Шейх, можно ли отправить домашнее задание по электронной почте?)*

(20) *Извините, не могли бы Вы, пожалуйста, прислать домашнее задание на почту?*

Просьбы, состоящие из трех ходов (извинение+просьба+обоснование) были замечены только в русском материале и в незначительном количестве.

В третьей ситуации, характеризующейся высокой степенью воздействия, динамика значительно изменилась: количество лаконичных просьб, состоящих из одного хода, существенно снизилось, в то время как просьбы, содержащие обоснование и/или извинение стали преобладающими. Заметно возросло и количество просьб, состоящих из трех ходов (извинение + просьба + обоснование) (7,1% в алжирском материале и 17,1 % в русском). Русские более активно и во всех ситуациях использовали стратегию извинения как свидетельство их нежелания оказывать воздействие на собеседника, нередко сочетая ее со стратегией обоснования, которая оправдывает совершение импозитивного действия:

(21) *Извините, есть какая-то возможность провести консультацию? Я болела и не смогла присутствовать.*

В алжирском материале извинение в значительной степени зависит от контекста и частотность его употребления заметно возрастает в третьей ситуации. Модели, состоящие из трех прагматических ходов менее частотны, что, на наш взгляд, свидетельствует о меньшем влиянии степени трудоемкости просьбы на использование стратегий вежливости и средств смягчения воздействия на собеседника в алжирском контексте.

В целом результаты показали, что русский стиль общения студентов с преподавателем более формальный, чем алжирский, о чем свидетельствует более регулярное использование средств смягчения воздействия на адресата, содержащегося в просьбе, а также стратегий негативной вежливости (вежливости дистанцирования).

В то же время обращение к преподавателю, которое также является важным прагматическим ходом при выражении просьбы, оказалось более частотным и формальным в алжирском контексте, чем в русском. Используя уважительные формы обращения, такие как: *Учитель/أستاذ*, *доктор/دكتور*, *профессор/پروفيسور*, или *шейх/الشيخ*, алжирские студенты демонстрируют стремление подчеркнуть высокий статус своих преподавателей и тем самым передать свое глубокое чувство уважения к ним. Русские студенты используют менее формальное обращение по имени и отчеству.

В параграфе 3.3. Нисходящий контекст (просьба преподавателя к студенту) РА «просьба» исследуется в ситуациях, характеризующихся асимметричными отношениями "сверху вниз", определенной горизонтальной дистанцией между собеседниками и различной степенью воздействия: низкой (просьба повторить сказанное), умеренной (просьба прислать домашнее задание по электронной почте) и высокой (просьба отнести книги преподавателя в библиотеку).

Полученные результаты дают представление о соотношении власти и вежливости во взаимодействии преподавателя и студента в алжирской и русской аудиториях. Они показывают, что в обоих культурных контекстах преимущественно используются прямые способы выражения просьбы, что согласуется с мнением исследователей (Scollon & Scollon 1995, 2001) о том, учителя чувствуют себя уверенно, отстаивая свои требования без необходимости смягчать свои просьбы.

(22) رجاء يا طلبة ارسلوا لي الواجب عبر الایمایل (Пожалуйста, студенты, отправляйте свои домашние задания по электронной почте).

(23) Отправьте мне, пожалуйста, ваши работы.

Однако в ситуации 2 (14,3% к 8,5%) и ситуации 3 (58,6% к 51,4%) русские преподаватели выражали просьбу более косвенно, чем алжирские (Рис. 3).

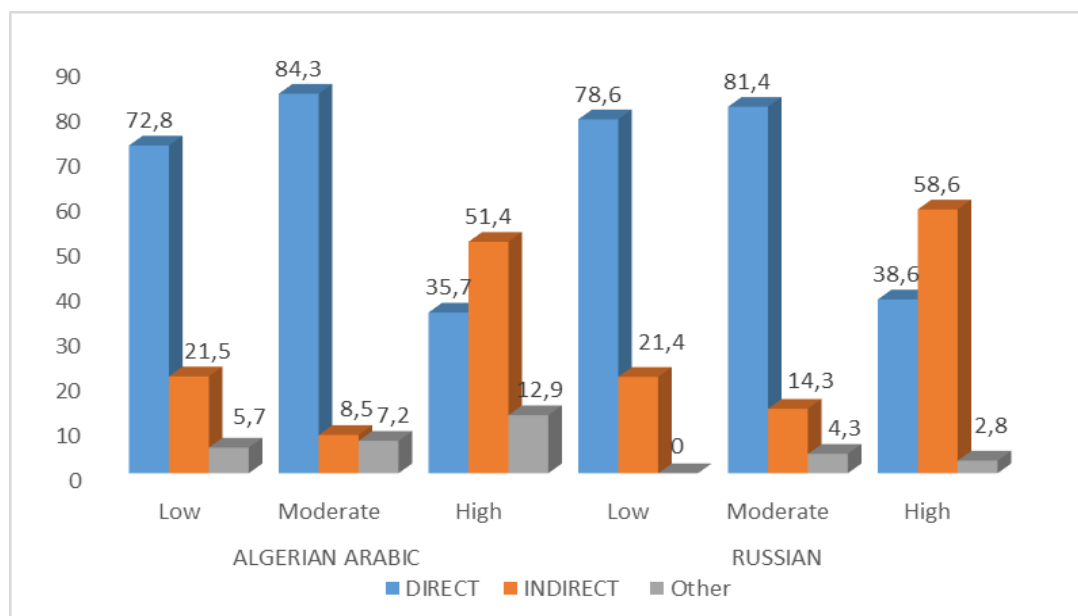

Рисунок 3. Просьба алжирского и русского преподавателя к студенту

Если в ситуации, характеризующейся низким уровнем воздействия, предпочтение отдается прямому способу выражения просьбы, то в последней ситуации, когда воздействие усиливается (просьба отнести книги в библиотеку), преподаватели чаще используют косвенные просьбы в виде вопроса с модальным глаголом, который служит синтаксическим модификатором, используемым для выполнения условно косвенных просьб и реализации стратегии негативной вежливости:

(24) هل يمكنك أن تأخذي لي كتبتي إلى المكتبة من فضلك؟ (Вы можете отнести мои книги в библиотеку, пожалуйста?)

(25) Не могли бы Вы, пожалуйста, помочь мне отнести книги в библиотеку?

Более того, русские преподаватели использовали модальный глагол с отрицанием (не)могли бы, применяя тем самым стратегию негативной вежливости "Будьте пессимистом":

(26) Не могли бы Вы отнести мои книги в библиотеку?

Результаты исследования показали, что русские преподаватели в целом предпочитают более косвенный стиль по сравнению с их алжирскими коллегами, что может указывать на меньшую дистанцию власти и большее внимание к личной автономии студента.

Что касается внутренних модификаторов, то и алжирские, и русские преподаватели предпочитали высказывания, ориентированные на адресата, активно используя маркер вежливости *пожалуйста* / من فضلك. Однако частотность его использования русскими преподавателями выше по сравнению с алжирскими (40,1 % по сравнению с 34,2 % соответственно). В отличие от предыдущей ситуации (просьба студента к преподавателю) религиозные благословения для смягчения просьбы в данном контексте не использовались. Данный факт, скорее всего, объясняется тем, что подобные религиозные высказывания в основном характерны для арабских диалектов (в том числе, для алжирского арабского), в то время как в университетской аудитории преподаватели используют стандартный арабский.

Хотя обе группы использовали модификаторы и выражали просьбу косвенно в ситуации с высокой степенью воздействия, русские преподаватели проявили большую склонность к смягченным просьбам, что указывает на то, что степень трудоемкости просьбы оказывает более значительное влияние на их выбор.

Исследование показало, что преподаватели используют поддерживающие ходы в ограниченном объеме и краткие одноходовые просьбы оказались преобладающей моделью в обеих группах респондентов во всех ситуациях. Ограниченное использование поддерживающих ходов (обоснование или извинение) также продемонстрировало примерно одинаковую частотность в обеих группах (Рис. 4).

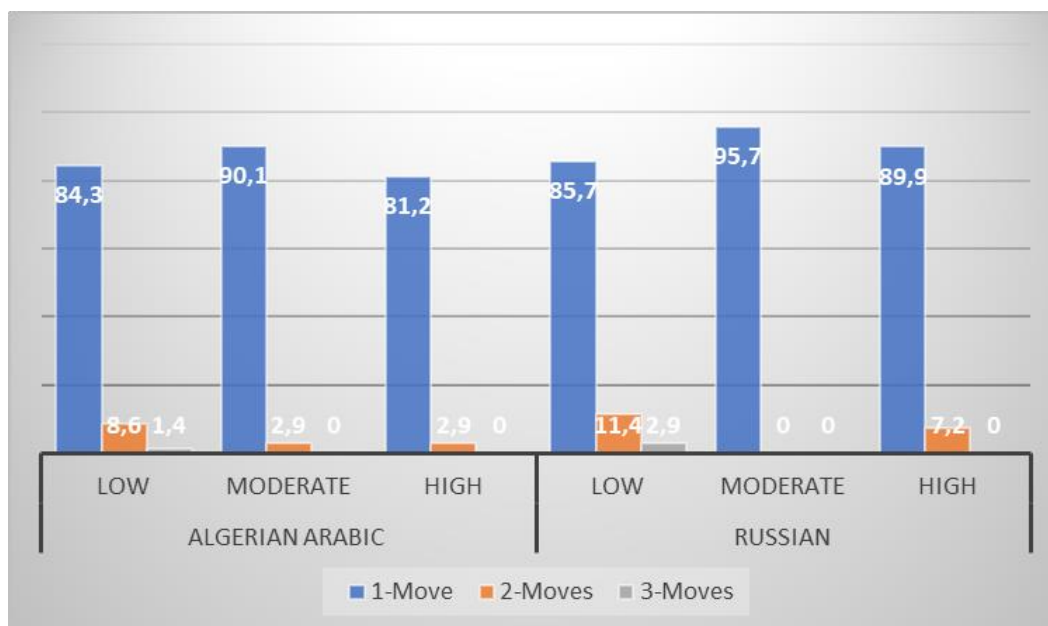

Рисунок 4. Длина просьбы преподавателя

Основными практиками обращения, используемыми алжирскими преподавателями, были термины родства, такие как *بنيتي* (моя дочь) и *بني* (мой сын), которые свидетельствуют о стратегии позитивной вежливости "Используйте маркеры внутригрупповой принадлежности», отражающей коллективистскую природу алжирского общества. При этом некоторые преподаватели использовали более формальную форму обращения - *طالبة/طالب* (студент/ка) в силу официального академического контекста. Русские преподаватели обращались к студентам по имени.

В целом исследование показало, что определяющими факторами в выражении просьбы преподавателем являются, прежде всего, индекс власти и дистанция между собеседниками. Влияние степени трудоемкости просьбы в данном контексте в просьбах обеих групп не носило выраженного характера.

В симметричном контексте, описанном в параграфе 3.4 *Линейный контекст (просьба студента к студенту)* коммуниканты обладают равной властью, социальная дистанция между ними незначительная и единственной переменной является степень трудоемкости просьбы, которая варьируется от элементарной (просьба одолжить лишнюю ручку), к средней (просьба прислать домашнее задание по электронной почте) и до просьбы высокой сложности (просьба помочь с домашним заданием). Полученные результаты подчеркивают как сходства, так и различия в сопоставляемых культурных контекстах.

Результаты показали, что косвенные просьбы вновь были более распространены в русском контексте по сравнению с алжирским во всех ситуациях (Рис. 5), включая ситуацию с элементарной просьбой, которую выразили косвенно 68,8% студентов:

(27) *Можешь дать мне ручку?*

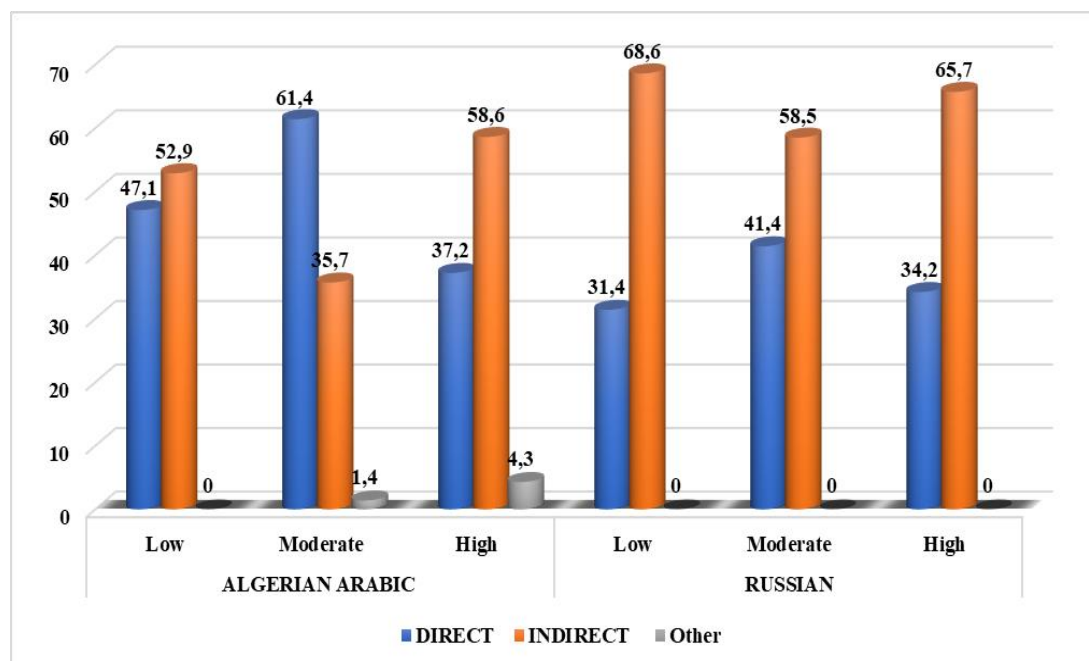

Рисунок 5. Просьба алжирского и русского студента к студенту

Та же тенденция прослеживается и в других ситуациях. Если 58,5 % русских студентов использовали косвенные стратегии для того, чтобы попросить одноклассников прислать домашнее задание, то в алжирском материале косвенная просьба составила 35,7%, в то время как прямая - 61,4 %, но при этом использовалось религиозное благословение:

(28) *Мог бы ты прислать мне домашнее задание по почте?*

(29) *ابعتلي الواجب بعد الحصة الله يسترک (Пришлите мне домашнее задание после урока, да хранит вас Бог).*

Полученные результаты согласуются с предыдущими исследованиями арабской коммуникативной культуры, в которых подчеркивается прямолинейный характер просьбы, особенно среди друзей и членов семьи (Abdul-Sattar et al. 2009; Al-Marrani & Szaladie 2010).

Стратегии негативной вежливости «Выражайтесь косвенно» и «Задавайте вопросы» реализуются путём использования вопросительных высказываний с модальным глаголом *تقدر* /мочь. Русские студенты также использовали модальный глагол *(не) мог бы*, чтобы в еще большей степени уменьшить прямолинейность просьбы посредством использования стратегий негативной вежливости, заключающихся в минимизации предположений о возможностях адресата совершить действие и пессимизме:

(30) *Извини, не мог бы ты одолжить мне ручку?*

Высказывание, ориентированное на адресата, было наиболее частой моделью в данной ситуации, особенно среди русских студентов. Хотя эта модель преобладала и в алжирском материале, в нем также встречались и модели, ориентированные на говорящего, инклюзивные и безличные, что показалось в некоторой степени неожиданным.

Маркер вежливости *пожалуйста* оказался наиболее частым лексическим средством снижения воздействия на собеседника среди русских студентов:

(31) *Можешь скинуть домашнее задание после пары, пожалуйста?*

В отличие от них, алжирские студенты предпочитали религиозные благословения как средство смягчения просьбы:

(32) *صاحبي العزيز السلام عليكم، راني مزروب نخرج عندي ظرف تقدر تبعثلي الواجب كي تروح الله يحفظك؟* (Мой дорогой друг, **мир тебе**, я тороплюсь, у меня есть некоторые обстоятельства, не мог бы ты отправить домашнее задание, когда вернешься домой, **да хранит тебя Аллах**).

В целом результаты показали, что влияние сложности просьбы (степени ее воздействия на собеседника) на маркеры вежливости проявилось прежде всего в русском материале, где они использовались реже в первой ситуации, но чаще во второй и третьей. Существенного влияния на использование маркеров вежливости в алжирском материале данный параметр не продемонстрировал.

Анализ внешних модификаторов (поддерживающих ходов) показал, что в обоих контекстах в ситуациях 1 и 2 предпочтение отдавалось просьбе, состоящей из одного хода (84,3 % и 75,7% в алжирском материале и 85,7 % и 71,4% в русском соответственно):

С возрастанием трудоемкости просьбы в обоих контекстах возрастает количество моделей, состоящих из двух ходов (Рис.6).

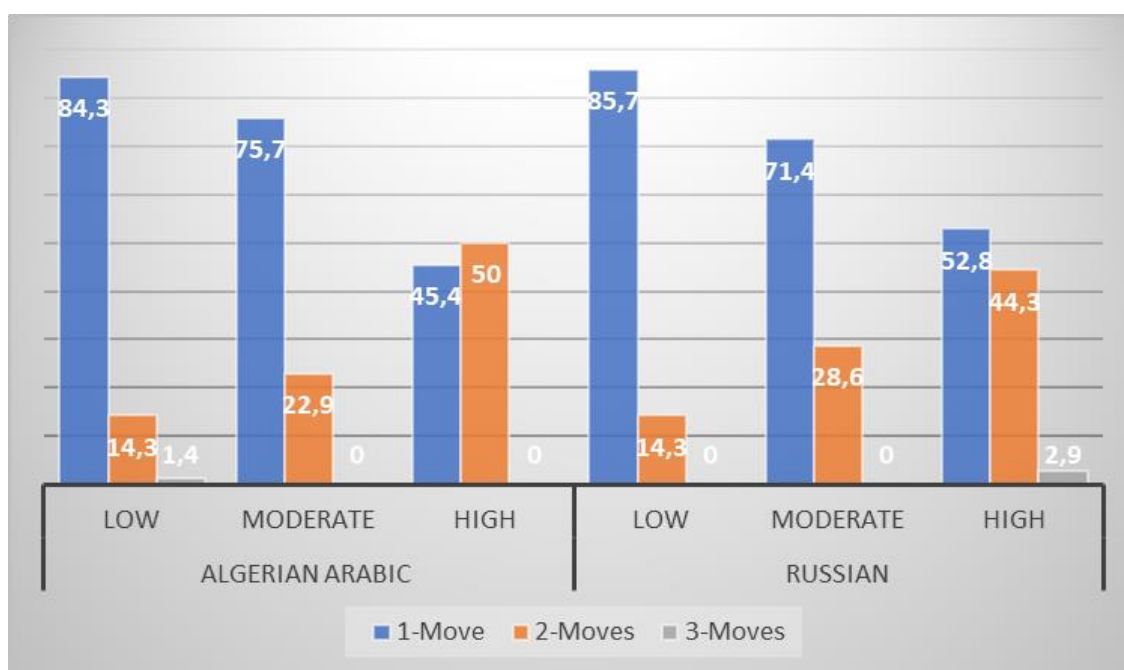

Рисунок 6. Длина просьбы учащихся

Полученные данные показали, что частотность просьбы с двумя ходами увеличилась в ситуациях с умеренной и высокой степенью воздействия в обоих контекстах, в то время как комбинации с тремя ходами практически не наблюдались.

Основными внешними модификаторами, используемыми студентами в линейном контексте, являются обоснования, извинения и формы обращения, которые модифицируют и смягчают просьбу. Было замечено, что русские студенты отдавали предпочтение извинениям, в то время как алжирские студенты предпочитали обосновывать свою просьбу.

В первой ситуации обе группы студентов проявили одинаковую тенденцию к выражению просьбу при помощи двух ходов:

(33) *تكسر قلمي وما عنديش قلم ثاني اذا عندك واحد زايد تقدر تعطيهولي نكتب بيه* (Моя ручка сломалась, и у меня нет другой, если у тебя есть лишняя ручка, можешь дать мне ее, чтобы я писал?)

(34) *Извини, не одолжишь ты мне ручку?*

Влияние трудоемкости просьбы было замечено и в третьей ситуации, где 50% алжирских студентов сопровождали просьбу обоснованием, а 44,3% русских студентов добавляли к ней либо извинение, либо объяснение причины. Просьбы, включающие три хода, были замечены лишь в единичных случаях.

Среди распространенных форм обращения алжирских студентов были "друг, صاحبي", "мой коллега, زميلي", "мой брат, خويا" и "моя сестра, اختي", что отражает алжирский исламский культурный принцип братства и взаимной поддержки. В отличие от них, русские студенты в основном использовали обращение по имени.

Результаты позволяют заключить, что склонность алжирских студентов использовать меньше модификаторов, как внутренних, так и внешних, для смягчения просьбы объясняется представлением о том, что равная власть и близость устраняют необходимость в таком смягчении и стратегии смягчения применимы только в обстоятельствах, связанных с высокой степенью воздействия просьбы на адресата. В русской культуре выражение просьбы в значительно большей степени определяется ее трудоемкостью и даже при равных и относительно близких отношениях принимается во внимание личная автономия адресата.

В заключении обобщаются результаты исследования и намечаются преобладающие тенденции в выборе стратегий вежливости и способов выражения просьбы в алжирском и русском учебном дискурсе.

Исследование показывает, что вежливость в выражении просьбы в аудитории – это динамичный феномен, формирующийся под влиянием ряда социокультурных переменных, роль которых раскрывается с помощью дискурсивного подхода. Анализ подтверждает, что, хотя власть, дистанция и степень воздействия на адресата (трудоемкость просьбы) влияют на выражение просьбы, их роль в разных культурных контекстах может различаться. Так, алжирский учебный дискурс в большей степени подвержен влиянию власти и иерархических отношений. В русском учебном дискурсе просьба в большей степени чувствительна к степени ее сложности.

Результаты показывают, что русские преподаватели и студенты в выражении просьбы менее прямолинейны, чем алжирские, что позволяет предположить, что в алжирском контексте, основанном на взаимозависимости, РА «просьба» по своей природе несет меньшую угрозу лицу собеседника чем в русском, предполагающем большую значимость личной автономии. В результате смягчению данного РА в русском контексте уделяется большее внимание, о чем свидетельствует более регулярное использование стратегий негативной вежливости (вежливости дистанцирования) и различных модификаторов, которые менее характерны для алжирского контекста.

В исследовании утверждается, что прямолинейность, проявляемую алжирскими коммуникантами, не следует интерпретировать как невежливость или грубость. Напротив, в алжирской культуре она является общепринятой коммуникативной практикой, особенно когда для ее смягчения используются специфические средства, такие как термины родства и религиозные фразы (Dendenne 2017), которые не только обозначают чувство религиозной принадлежности, но и выполняют прагматическую функцию, влияя на поведение других (Nazzal 2005: 255-256).

Важно отметить, что полученные результаты бросают вызов англоцентричной точке зрения, которая определяет просьбу как косвенный РА. Они показывают, что прямолинейность и вежливость не являются взаимоисключающими и вежливость может выражаться не только через косвенность, но и через иные, культурно-специфичные языковые средства.

Выявленные различия коррелируют с культурными ценностями и социальной организацией общества в целом. Тенденцию к прямолинейности просьбы в алжирском контексте можно объяснить преобладанием вертикальной дистанции и менее выраженной горизонтальной дистанцией в алжирской культуре по сравнению с русской. В результате в алжирской учебной среде высоко ценятся власть и в то же время солидарность. Русский дискурс отражает иной баланс социальных переменных.

Результаты демонстрируют сложную взаимосвязь между языком, культурой, сознанием и коммуникацией, а также подтверждают значимость дискурсивного подхода для выявления сложности речевых актов в различных социальных и культурных контекстах. Таким образом, данное исследование предлагает теоретические уточнения и новые эмпирические данные, на основе которых могут быть разработаны рекомендации, необходимые для преподавания второго языка и эффективной межкультурной коммуникации.

Наконец, в заключении отмечаются ограничения работы и намечаются пути для будущих исследований. Среди них – расширение географии материала за счет включения иных регионов; использование других методов сбора данных, включая реальную коммуникацию; учет гендерных и возрастных факторов. Кроме того, представляется перспективным изучение других речевых актов, используемых в образовательном дискурсе, в кросс-культурном аспекте.

Основные результаты данного исследования опубликованы в следующих статьях:

I. Статьи, опубликованные в журналах, индексируемых в Scopus:

1. Saadna, Sarra. 2024. The Influence of Religion on the Speech Act of Request in Algerian Arabic: The Case of Classroom Discourse // Религиоведение. № 1. С. 78-89. ISSN: 2072-8662 https://doi.org/10.22250/20728662_2024_1_78 (Scopus).

2. Saadna, Sarra and Mouas, Samia. 2024. Gender-Related Differences in the Performance of Request in the Algerian Classroom Discourse. // Translang Journal. № 23(1). С. 161-185. ISSN: 1112-3974. <https://doi.org/10.52919/translang.v23i1.977> (Scopus)

3. Saadna, Sarra. 2025. Politeness and In-Directness in Algerian and Russian Classroom Requests. // Acta Linguistica Petropolitana. № 20(3). С. 209–232. ISSN: 2306-5737 e-ISSN: 2658-4069 <https://doi.org/10.30842/alp23065737203209232> (Scopus)

II. Статьи, опубликованные в журналах, индексируемых ВАК Минобрнауки РФ:

4. Saadna, Sarra. 2023. Politeness Strategies in Algerian and Russian Students' Requests // Cognitive studies of language. № 1(1). С. 138-142. ISSN: 2071-9639. (BAK).

III. Статьи, опубликованные в других изданиях:

5. Saadna, Sarra. 2024. A Comparative Study of Request Perspectives in Algerian and Russian Students' Classroom Discourse. // Language and communication in the context of culture. С. 220-224.

6. Saadna, Sarra. 2023. Politeness Strategies in Teachers' Requests in Algerian and Russian Classroom Discourse // Discourse studies: advances and applications. С. 43.

СААДНА Сарра
(Алжирская Народная Демократическая Республика)

Стратегии вежливости в речевом акте «просьба» в алжирском и русском учебном дискурсе

Стратегии вежливости являются важнейшим инструментом установления и поддержания эффективной коммуникации в учебной аудитории, особенно в мультикультурной среде. Использование этих стратегий варьирует в разных культурах, что может приводить к непониманию и коммуникативным неудачам. Цель данного исследования – выявить и сопоставить стратегии вежливости, используемые при выражении просьбы в алжирском и русском учебном дискурсе, и определить, как социокультурные переменные влияют на их выбор, интерпретируя наблюдаемые различия через призму культуры и сознания. В нем рассматривается выражение просьбы в симметричных и ассиметричных контекстах, различающихся такими параметрами, как власть, дистанция и степень воздействия, с фокусом на прагматические, функциональные и стилистические характеристики. Материал для исследования был собран с помощью анкеты на завершение дискурса (Discourse Completion Task) с участием 140 студентов университетов (70 из Алжира и 70 из России) и проанализирован как количественно, так и качественно с использованием комплексной методологии, опирающейся на социалингвистику, кросс-культурную прагматику, дискурс-анализ и культурологию. Результаты показали, что в обоих культурных контекстах просьба может быть выражена как прямо, так и косвенно. При этом в алжирском учебном дискурсе наблюдается тенденция к более прямому выражению просьбы, чем в русском, где часто используются стратегии негативной вежливости (или стратегии дистанцирования), внутренние и внешние модификаторы, менее характерные для алжирского дискурса. Более того, результаты исследования показали, что социальные переменные, такие как дистанция власти, социальная дистанция и степень воздействия просьбы на адресата (ее трудоемкость), в первую очередь определяют тип просьбы и выбор стратегий вежливости, однако в сопоставляемых культурных контекстах их влияние проявляется по-разному. В алжирском учебном дискурсе наиболее влиятельным фактором, определяющим выражение просьбы, является индекс власти, в то время как в русском – степень ее воздействия на адресата. Полученные результаты бросают вызов англоцентричной точке зрения, которая определяет просьбу как косвенный речевой акт, и свидетельствуют о том, что прямолинейность не обязательно противоречит вежливости, которая может выражаться с помощью культурно-специфичных языковых средств. Склонность к более прямому стилю просьбы в алжирском академическом дискурсе может быть объяснена большей вертикальной дистанцией наряду с менее выраженной горизонтальной дистанцией. Русский дискурс отражает иной баланс социальных переменных и ценностей, а также ролей преподавателя и студента. Результаты подчеркивают взаимосвязь между языком, культурой, сознанием и коммуникацией и подтверждают преимущества дискурсивного подхода для понимания сложности речевых актов в различных социальных и культурных контекстах. Результаты и выводы исследования могут быть значимы для социалингвистики, кросс-культурной прагматики, дискурс-анализа, сопоставительного языкознания и лингвокультурологии. Они могут найти применение в преподавании арабского и русского языка как иностранного, а также в теории и практике перевода и межкультурной коммуникации.

As a manuscript

SAADNA Sarra

Politeness strategies in request in Algerian and Russian classroom discourse

5.9.8. Theoretical, applied, comparative and contrastive linguistics

DISSERTATION ABSTRACT

for a PhD Degree

**Moscow
2025**

The present study was conducted at the Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University)

Scientific Advisor:

Tatiana V. Larina
Doctor Habil. of Philology (10.02.20), Professor
Department of Foreign Languages, Faculty of Philology
Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)

Official opponents:

Maria I. Kiose

Doctor Habil. of Philology (10.02.19)
Associate Professor, Chief Researcher at the Center for Sociocognitive Discourse Research
Moscow State Linguistic University

Zoya G. Proshina

Doctor Habil. of Philology (10.02.20), Professor
Department of Theory of Teaching Foreign Languages
Faculty of Foreign Languages and Regional Studies
Lomonosov Moscow State University

Olga A. Bernikova

PhD (10.02.22), Associate Professor
Arabic Philology Department
St. Petersburg State University

The defence is to be held on 12 December 2025 at 10.30 a.m. at a meeting of the Dissertation Council DC PDC 0500.006 at Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), 117198 Moscow, Miklukho-Maklaya St. 10/2A, room 535.

The dissertation is available at the UNIBC (Scientific Library) of the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University): 117198, Moscow, 6, Miklukho-Maklaya Street.

The announcement of the defence and the abstract of the dissertation are available online: <http://vak.ed.gov.ru>; <https://www.rudn.ru/science/dissovet/dissertacionnye-sovety/pds-0500006>

The abstract was sent out on «___» _____ 2025

Academic Secretary of the Dissertation Council

PDC 0500.006

PhD, Associate Professor

Svetlana S. Mikova

GENERAL CHARACTERISTICS OF WORK

The present thesis is a contrastive study of the speech act of Request in Algerian and Russian classroom discourse, explored through pragmatic, discursive, and socio-cultural analysis.

The relevance of the study. The growth of academic mobility and migration results in a multicultural academic environment. This poses difficulties and limitations in classroom communication due to the participants' different cultural and linguistic backgrounds in the interaction. For successful intercultural communication, students and teachers must be aware of the ethnocultural characteristics of politeness and how politeness strategies function in various contexts. Thus, the students' communicative and cultural characteristics should be considered, including the standards that govern relations in the students' national academic context and the culture-specific features in their cultures that determine their communicative styles to ensure successful communication.

Successful communication depends thoroughly on establishing good relationships with others, and polite behaviour is essential to ensure harmony and social equilibrium between people of the same society and others from different societies. However, the significant role of politeness in establishing good social relations in all languages and cultures is manifested differently across different cultures as the concept of politeness is perceived differently in various cultures (Haugh 2015; Kádár & Haugh 2013; Leech & Larina 2014; Watts 2003; Wierzbicka 1991, to name a few). These differences stem from the social conventions in each culture; thus, what is considered polite in one culture can be seen as impolite or even rude in another.

Language users choose the appropriate politeness strategies to ensure smooth and efficient interactions. Their choice depends on many social factors that vary from one culture to another, and its appropriateness determines the success of further interactions. Hence, misunderstandings and communication breakdowns can occur in intercultural communication due to variations in beliefs, values, and expectations, which determine the message decoder in each culture (Matsumoto & Juang 2008). Therefore, it is of utmost importance to be aware of the standards and rules of communication, including the understanding of politeness and how it is performed in the target culture in various speech acts, because successful intercultural communication is built on this understanding (Larina 2015).

A request is a face-threatening act (FTA) as the Speaker gets the Hearer to do something for their benefit. Thus, by requesting, an imposition is placed on the Hearer whose freedom is limited. Brown and Levison (1987) suggest that the more face threats caused by the speech act, the more it is preferable to adopt a more polite strategy. This understanding opens up a world of potential for successful communication. However, the weightiness of the face threat is related to each culture's sociocultural variables that govern interlocutors' relationships. It is predetermined by power, distance, and the rank of imposition, which are understood and perceived differently across cultures and play a crucial role in determining the appropriate choice and use of politeness strategies.

Although requests in Algerian Arabic have been studied in previous literature (e.g., Atamna 2016; Hadj Said 2016, 2018; Lounis 2019; Sekkal 2018, to name a few), the number of pragmatic studies remains relatively small, particularly those focused on the academic context. Moreover, no previous studies have compared Algerian politeness with other non-Anglo cultures.

Thus, **the relevance** of the present study is shaped by the following principles: (1) the multicultural environment characteristic of modern universities, increasing interest towards the classroom discourse in different cultural settings and the need to study academic discourse from a cross-cultural perspective; (2) the growth of academic cooperation and mobility between Algeria and Russia, and the need to identify differences in the discursive practices and politeness strategies of Algerian and Russian teachers and students, which can contribute to effective intercultural communication, (3) the importance of determining cultural values and norms that shape understanding of politeness and guide the choice of politeness strategies in different speech acts; (4) the limited study of politeness in academic discourse in general and in the performance of Request in particular in Algerian Arabic compared to other languages; (5) the necessity to pursue research of the impact of culture on communicative styles.

The degree of scientific development of the research problem. Numerous studies were conducted to investigate the cultural specificity in the realisation of various SAs (e.g., Eslami 2005; Eslami et al. 2023; Haugh & Chang 2019; Iliadi & Larina 2017; Litvinova & Larina 2023; Ogiermann 2009; Qari 2017; Reiter 2000; Sazalie & Al-Marrani 2010; Trosborg 1995; Wierzbicka 2003). The SA of Request, which is a Face-Threatening Act, has been at the centre of cross-cultural studies since the project of Cross-Cultural Study of Speech Act Realisation Patterns (CCSARP) (Blum-Kulka et al. 1989) (e.g., Fukushima 1996, 2002; Liao 1997; Lounis 2019; Ogiermann 2009; Pinto & Raschio 2007; Reiter 2000; Yu 2011, among others).

As for the Arabic language, which is inherently heterogeneous, its dialects have been studied in a pragmatic perspective to varying degrees. Most Arabic research is interested in Jordanian and Egyptian Arabic, with little attention to Iraqi and Yemeni Arabic. However, studies in the Great Maghreb countries (Algeria, Morocco, Tunisia, and Libya) are scarce, which has caused a gap in the literature and the need for further research. Although the SA of Request in Algerian Arabic was investigated in previous literature (Atamna 2016; Hadj Said 2016; Lounis 2019), the number of works is still limited, and they ignored the politeness phenomenon in Algerian Arabic.

Due to the multiculturalism of the academic environment and the discursive approach to the study of politeness, the performance of various SAs in academic discourse in different cultural contexts is increasingly attracting the attention of researchers. Contrastive cross-cultural and sociopragmatic studies were conducted to identify cultural peculiarities in the SAs of address in classroom settings (Formentelli 2009; Soomro & Larina 2022, 2023, 2024; Zhou & Larina 2024), critical remark (Mey 2007; Zbenovich et al. 2024), compliment (Dilek 2020; Tanju et al. 2023). Zhou and Larina (2024) investigated culture-specific features of Chinese and Russian teacher–student interaction, focusing on addressing, thanking, and apologising. Alemi and Maleknia (2023) explored non-native English students' politeness netiquettes while emailing their American professors.

However, none of investigations has conducted a contrastive study of politeness in requests in Algerian Arabic and Russian. The limited knowledge of Algerian Arabic and Russian speech acts is not only due to researchers' emphasis on Western European languages, but also because most of the studies on speech acts in these languages are written in Arabic or Russian, making them less accessible to the international academic community. With the rapid development of intercultural communication because of educational mobility, speakers of these languages (Arabic and Russian) find themselves in direct contact. Their limited knowledge of each other's languages and cultures may lead to communication failures and

misunderstandings. This potential for communication breakdowns underscores the need for further research. Therefore, this study investigates the politeness strategies in Algerian and Russian classroom requests. It focuses on the similarities and/or differences in the adopted politeness strategies in symmetrical (linear) and asymmetrical (bottom-up and top-down) contexts characterised by various ranks of imposition.

Research hypothesis states that the two cultures, with their different cultural and social aspects of Power, Distance, and Rank of imposition, would encounter different politeness strategies in performing requests in classroom discourse.

The study aims to identify and contrast the politeness strategies employed in requests within Algerian and Russian classroom discourse, and to determine how socio-cultural variables influence their choice, interpreting the observed differences through the lens of culture and cognition.

To achieve the goal, the following research **objectives** have been undertaken:

- 1) to consider existing theories and approaches to the study of politeness and select the most effective one for the research;
- 2) to identify the sociocultural factors and values that shape the understanding of politeness in Algerian and Russian cultures;
- 3) to examine the idea of indirect speech acts critically and establish whether the Request belongs to this category in a cross-cultural context;
- 4) to determine politeness strategies and linguistic means of their realisation used to perform requests in Algerian and Russian classroom settings;
- 5) to find out the similarities and differences in the performance of requests in academic discourse by Algerian and Russian speakers in symmetrical and asymmetrical contexts;
- 6) to clarify how differences in the socio-cultural values, social power, distance, and rank of imposition may result in choosing a politeness strategy;
- 7) to interpret the identified differences in terms of culture and communicative values, social roles and cognition.

Data and methods. The study's data were obtained from a Discourse Completion Task (DCT) questionnaire, which is an effective tool for eliciting a wide range of speech acts across various contexts. Though it has some limitations, particularly in its inability to capture the prosodic and interactional features found in naturally occurring conversations and cannot generate natural, spontaneous speech as it happens in real-life interactions it is considered to be an effective method for cross-cultural studies (e.g., Tran 2006, Labben 2016). The questionnaires were distributed to 140 university students (70 Algerians and 70 Russians). Algerian students were selected from the Department of Arabic Literature at Hadj Lakhder University (also named Batna 1 University) in the Batna province of Algeria. Russian respondents were from the faculty of philology at the People's Friendship University of Russia (RUDN University) in Moscow. The participants were asked to indicate what they would say in different situations involving a request in the classroom context. The original questionnaire (DCT) was designed in English and then translated into Arabic and Russian. It was aimed at gathering Algerian and Russian students' choice of politeness strategies in three contexts: (1) when students request their teachers, (2) when teachers request their students, and (3) when students request their classmates. They were given three situations, which varied in the rank of imposition (low, moderate, and high). Overall, 1260 request utterances were collected and analysed quantitatively and qualitatively, with the implementation of discourse-pragmatic and sociocultural analysis, to determine the influence of socio-cultural

variables on the form of Request and choice of politeness strategies.

Theoretical background. The study employed an interdisciplinary theoretical framework based on:

- *Discourse analysis* (Alba-Juez 2009; Fairclough 2010; Kiose et al. 2024; Ponton & Larina 2016, 2017; Van Dijk 2009; Zappettini et al. 2021).
- *Cross- and intercultural pragmatics* (Blum-Kulka, House & Kasper 1981, 1989; Fukushima 1996, 2000; Kecskes 2014; Ogiermann 2009; Pizziconi 2003; Qari 2017; Reiter 2000; Sazalie & Al-Marrani 2010; Wierzbicka 2003 to name a few).
- *Speech Act Theory* (Austin 1962; Cooren 2015; Holtgrave 2002; Huang 2009; Sbisà 2009; Searle 1969, 1975, 1979; Yule 1996, 2006; Wijana 2021).
- *Politeness and Impoliteness Theory* (Bousfield 2008; Brown & Levinson 1987; Culpeper et al. 2017; Eelen 2001; Haugh 2007; Kádár & Haugh 2013; Larina 2009, 2015; Larina & Ponton 2020, 2022; Leech 1983, 2014; Locher 2008, 2012, 2015, 2018; Locher & Watts 2007; Lounis 2019; Mills 2003, Sifianou 1992; Watts 2003 among others).
- *Sociolinguistics and identity studies* (Atkinson 2002, 2014; Eslami et al. 2023; Ervin-Tripp 1986; Fasold 1990; Holmes 2013; Trudgill 2000; Wardhaugh 2006; Wardhaugh & Fuller 2021, etc.).
- *Intercultural communication and Cultural studies* (Hofstede, 2011, 1991; Jandt 2017; Kabakchi & Proshina 2021, Larina 2013, Larina et al. 2017 a,b; Triandis 2018; Triandis & Gelfand 2012 among others).

The study also drew on work on *Academic Discourse* (Boer 2009; Donato 2004; McCarthy 1991; Mitiku 2022; Nunan 1999; Soleman Awad & Afzal Khan 2019; Suhaili & Haywood 2017, to name a few) and the *speech act of Request* (e.g., Achiba 2003; Blum-Kulka et al. 1989; Blum-Kulka & Olshtain 1984; Dendenne 2017; Faerch & Kasper, 1989; Hadj Said 2016; House & Kasper 1987; Kotorova 2016; Larina 2003, 2008; Lounis 2019; Ogiermann 2009; Qari, 2017; Trosborg 1995; Wierzbicka 1985, 1992, 2003).

Novelty of the study. This dissertation is the first contrastive study of politeness in Algerian Arabic and Russian classroom discourse based on discursive, pragmatic, and socio-cultural analyses. The study identified similarities and differences in politeness strategies and the linguistic means used to implement them. It also revealed differences in directness and indirectness in the form of requests in Algerian and Russian education discourse and traced the influence of sociocultural factors, such as Power Distance, Social Distance, and the Rank of Imposition, as well as cultural values on the teachers' and students' request performance. It offers new data on the impact of cultural and social contexts on language use.

Theoretical implications. The thesis demonstrated the effectiveness of a discursive approach to the study of politeness across cultures, which allowed us to specify the influence of various social and cultural variables on the performance of the speech act of Request, and to refine existing theoretical views and approaches. The findings confirmed that the types of requests (direct or indirect) and the choice of the politeness strategies are determined by the social variable of power, distance, and rank of imposition, but their impact varies across cultures. The study revealed differences in the degree of directness and indirectness in Algerian and Russian classroom discourse focusing on politeness strategies, form of Request, internal and external modifiers used to lessen the imposition and showed their connection with sociocultural factors. The findings invalidated the idea that Request is an indirect speech act (Searle 1975) and demonstrated that, in cultures based on closeness and interdependence, requests pose less of a face threat than individualist Anglo-cultures and can be expressed

indirectly and directly. Furthermore, the findings showed that directness and imposition in requests do not necessarily contradict politeness, which can be expressed through other linguistic means. The results may contribute to sociolinguistics, cross-cultural pragmatics, discourse analysis, cultural linguistics, and intercultural communication by providing new data and expanding the understanding of the impact of culture and cognition on language and its functioning in different social and cultural contexts.

Practical implications. The main findings and conclusions can stimulate further studies of the varieties of speech acts across languages and cultures. They can be used to prepare course books and theoretical courses on cross-cultural pragmatics, sociolinguistics, discourse analysis, and cultural and contrastive linguistics. They can also find an application in second language teaching (Arabic and Russian), as well as translation studies and intercultural communication.

Propositional statements for the defence:

1. The discursive approach to the study of politeness specifies the influence of various social and cultural variables on the performance of the speech act of Request and refines existing theoretical views and approaches. Thereby, it not only enhances our understanding of cross-cultural communicative differences, but also significantly expands the explanatory framework of existing models of politeness, asserting its vital role in the use of language.
2. The types of requests (direct or indirect) and the choice of politeness strategies are determined by the social variables of power (PD), distance (SD), and rank of imposition (R); however, their impact varies across cultures. In the Algerian classroom, requests are influenced more by the index of power, while in Russian requests, the most influential factor appeared to be the cost of imposition, even though power and distance impact are also observed.
3. The idea that Request constitutes an indirect speech act, widely accepted by Anglo scholars, does not apply to Arabic and Russian cultures, where it can be performed both indirectly and directly. Furthermore, directness and imposition in Request do not necessarily contradict politeness, which can be expressed through other linguistic means, such as the Vy ('vous') form of address in Russian, kinship terms of address and religious blessings in Algerian Arabic.
4. Though requests are expressed directly and indirectly in both cultural contexts, Algerian requests tend to be more direct than Russian in all situations. In the Russian context, Requests are often expressed indirectly, which is achieved through negative politeness strategies and internal and external modifiers that are less typical in the Algerian classroom discourse.
5. The more direct request style in Algerian classroom discourse compared to Russian is arguably due to a greater vertical distance, which prescribes straightforwardness in top-down relations, and a less pronounced horizontal distance, which allows straightforwardness in linear relations and, to some extent, even in bottom-up relations. Russian discourse reflects a different balance of social variables and values, as well as the roles of teachers and students.
6. The results confirm the interconnection between language, culture, cognition and communication, providing new data, and show how sociocultural factors impact communicative behaviour of interlocutors and shape ethnocultural communicative styles. Thereby, the findings can have both theoretical and practical implications.

The scientific validity and reliability of the findings. The deep examination

and critical analysis of the existing literature achieve a solid basis for the reliability and validity of the dissertation. The impressive amount of empirical data and their complex quantitative and qualitative analysis also support the reliability of the results and conclusions.

Approbation of the dissertation. The main results and conclusions of the research were presented in seven publications that include three articles indexed in the international databases of Scopus and Web of Science, one article in peer-reviewed journals included in the List of the Higher Attestation Commission, and one in a related publication. Some findings were presented at 11 international conferences: (1) The 2nd International Applied Linguistics Conference (IALC), 2-3 May 2023, Ouargla University, Algeria; (2) The International Scientific and Practical Conference VI Firsova Readings “Modern Languages and Cultures: Varieties, Functions, Ideologies in a Cognitive Perspective”, 19-21 October 2023, RUDN University, Moscow; (3) II International Scientific Conference of Students and Young Scientists for Sustainable Development of Civilization: Cooperation, Science, Education, Technology, 21-24 November 2023, RUDN University, Moscow; (4) International scientific and practical conference “Language and communication in the context of culture”, 10 April 2024, Rostov-on-Don University; (5) IV International Scientific Conference “Innovation in language learning”, 7-8 November 2024, Firenze University, Italy; (6) the 4th International Conference on Field Linguistics, 28-30 November 2024, the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow; (7) V All-Russian scientific and practical conference of young orientalists with international participation "Eastern Kaleidoscope", December 6, 2024, RUDN University, Moscow; (8) The 1-st Eurasian Congress of Linguists, 9-13 December 2024, The Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow; (9) the V International Scientific and Practical Conference "Linguistics of Distancing. The Genesis of Civilisation: Language, Culture and Man in the 21st Century", 29-31 January 2025, Moscow State University, Moscow; (10) International scientific conference of students, postgraduates and young scientists "Lomonosov-2025", 11-25 April 2025, Lomonosov Moscow State University, Moscow; (11) The International Scientific and Practical Conference: VII Firsova Readings “language. Culture. Communication”, 23-25 October 2025, RUDN University, Moscow.

Structure of the dissertation. The dissertation is organised into an Introduction, three Chapters, a Conclusion, a list of references (which includes 264 sources), and two Appendices representing Algerian Arabic and Russian questionnaire forms.

MAIN CONTENT OF THE STUDY

The **Introduction** defines the research problem and the study's relevance, formulates the research hypothesis, aims, objectives, and propositional statements for the defence around which the present research is stated, and explains the research tools, methods, and methodology. It outlines the scientific novelty and theoretical and practical implications. It also substantiates the research results' approbation.

Chapter I, *Politeness as a Socio-Cultural and Socio-Pragmatic Research Phenomenon*, accounts for contemporary theoretical politeness studies. It provides definitions of politeness, names its types, and analyses approaches to the study of politeness and related concepts and theories, such as Grice's theory of implicatures (1975) and Goffman's notion of face (1967, 1971).

Special attention is paid to the theory of politeness by Brown and Levinson (Brown & Levinson 1987), which has been one of the most significant theories in the field of pragmatics, sociolinguistics, and discourse analysis for several decades. The main types of politeness identified by them are *negative politeness*, which is aimed at distancing, and

positive politeness, which is based on rapprochement. Thus, two kinds of politeness can be distinguished based on Larina's classification (2003, 2009/ 2015) of *politeness of distancing* and *politeness of approaching*.

The chapter also discusses other perspectives that challenge Brown and Levinson's politeness theory and support their arguments. It emphasises the importance of a discursive approach to studying politeness and outlines its benefits, including: (1) taking into account the role of context when choosing politeness strategies; (2) considering not only the Speaker's actions but also how they are perceived and evaluated by listeners, and (3) including impoliteness in the research field.

Separately, section 1.3, "Politeness Across Languages and Cultures," examines the specific aspects of politeness in different linguistic and cultural contexts. Based on cross-cultural research, it emphasizes that politeness is a universal communicative phenomenon with ethnocultural variations, manifesting in differences in politeness strategy use and linguistic means employed for their realisation.

It is noted that Algerian society has a significant vertical power distance, with a high index of authority, but a less pronounced horizontal social distance compared to Russian culture. This leads to the formation of values such as respect for age and status, and the closeness of relationships dictated by Islamic culture, where all people are considered brothers. These values guide communication in all aspects of Algerian life, including academia.

Chapter II, *Politeness and the Speech Act of Request*, entails four main sections. It discusses the Speech Act theory and provides a typology of different types of speech acts. It also discusses the place of Request in this typology. Then it explores the various types of requests and the politeness strategies that can be used to soften this speech act. Furthermore, it provides an overview of research on requests in Arabic dialects, including Algerian and Russian.

The first section is devoted to the Speech Act Theory, which J. Austin (1962) and J. Searle (1969) founded. This theory is based on the idea that words are used not only to describe events but also to perform certain actions, in other words, speech acts.

The second section gives a typology of speech acts, among which the Request speech act is determined. It is noted that a Request is a directive speech act by which the Speaker fosters the Hearer to perform certain actions; as a result, the hearer's freedom is restricted, and a threat is posed to the hearer's negative face. For this reason, Request, among other directive speech acts, is considered a face-threatening speech act (FTA).

The researchers claim that requests can be expressed directly or indirectly, depending on the degree of directness/indirectness. Blum-Kulka et al. (1989) distinguish three main types of requests: direct, conventionally indirect, and non-conventionally indirect. Our study will consider this perspective, focusing mainly on direct and indirect types of requests.

Section 2.3 analyses the main strategies used to perform requests and linguistic means and their implementation models, including imperative and performative statements, interrogative statements with modal verbs, and implicit ways of expressing requests (strong and mild hints). Attention is drawn to hearer-oriented, speaker-oriented, inclusive, and impersonal perspectives. Internal and external modifiers that mitigate the illocutionary force of a request are considered separately; the latter are also called *pragmatic moves* or *supportive moves* (Blum-Kulka et al. 1989) as they accompany the head act of Request to mitigate it.

The final paragraph of this chapter discusses the speech act of Request from a cross-cultural perspective. It emphasizes that the implementation of a request, like other speech acts, is determined by socio-cultural values and norms (Kecskes 2014, Trosborg 1995, Wierzbicka 1991, 2003 to name a few). The main research results on requests in Mexican, Spanish, Polish, German, and other lingua-cultures illustrate these findings.

This chapter concludes with a brief overview of research on the performance of requests in various dialects of the Arabic language, including Algerian and Russian.

Chapter III, *Contrastive Analysis of Politeness Strategies in Algerian and Russian Requests*, contains the results of an empirical study aimed at identifying similarities and differences in the implementation of this speech act in Algerian and Russian educational discourse. The chapter has three sections.

Section 3.1. describes in detail the research material, the data collection tools, and the methodology of analysis, which is complex. It is partly based on the CCSARP (Cross-Cultural Study of Speech Act Realization Patterns) project (Blum-Kulka 1989), complementing it with Brown and Levinson's politeness theory (1987), but at the same time considers politeness strategies and means of their implementation from a discursive and pragmatic perspective to the study of politeness. The main research questions are formulated as follows: (1) What type of Request – direct or indirect – prevails in bottom-up, top-down, and linear contexts in Algerian and Russian classroom discourse? (2) How and to what extent do representatives of comparable cultures mitigate the illocutionary force of a request, and what politeness strategies and linguistic means do they use for this? (3) To what extent do Algerian and Russian politeness strategies differ? (4) To what extent do power, distance, and degree of imposition influence their choices? (5) How can the revealed differences be interpreted in the context of culture and identity?

In the following three sections, a comparative analysis of the expression of a request in three social contexts is carried out: 3.2. – in a bottom-up context (student's Request to the teacher); 3.3. – in a top-down context (teacher's Request to the student); 3.4. – in a linear context (Request between students). At the same time, each of these situations was considered, taking into account the third variable – the degree of imposition, which ranged from low (elementary Request) to moderate (Request of medium complexity) and high (complex Request). As a result, nine situations were subjected to a comparative analysis in the two cultural contexts – Algerian and Russian.

Throughout the chapter, the results of a detailed quantitative and qualitative contrastive analysis of the Algerian and Russian students' and teachers' requests are provided, considering different social factors of Power (P), Distance (D), and rank of imposition (R). The obtained results are then interpreted and discussed.

Let us briefly discuss the main results in the contexts considered.

Section 3.2. *Bottom-up context (student's Request to the teacher)* examines the types of requests made by Algerian and Russian students within a bottom-up context, emphasising the impact of the cost of imposition across three distinct request situations: with a low cost of imposition (Request for repetition), moderate (Request to send the homework by email) and high (Request for consultation). In this setting, the power index is elevated, and some social distance characterises the relationship between students and teachers throughout all the scenarios.

The data obtained show that when requesting teachers, both Algerian and Russian students preferred an indirect request, although a direct one was also used. Notably, Russian

students demonstrated a more pronounced inclination toward indirectness than their Algerian counterparts across all three situations (Fig.1).

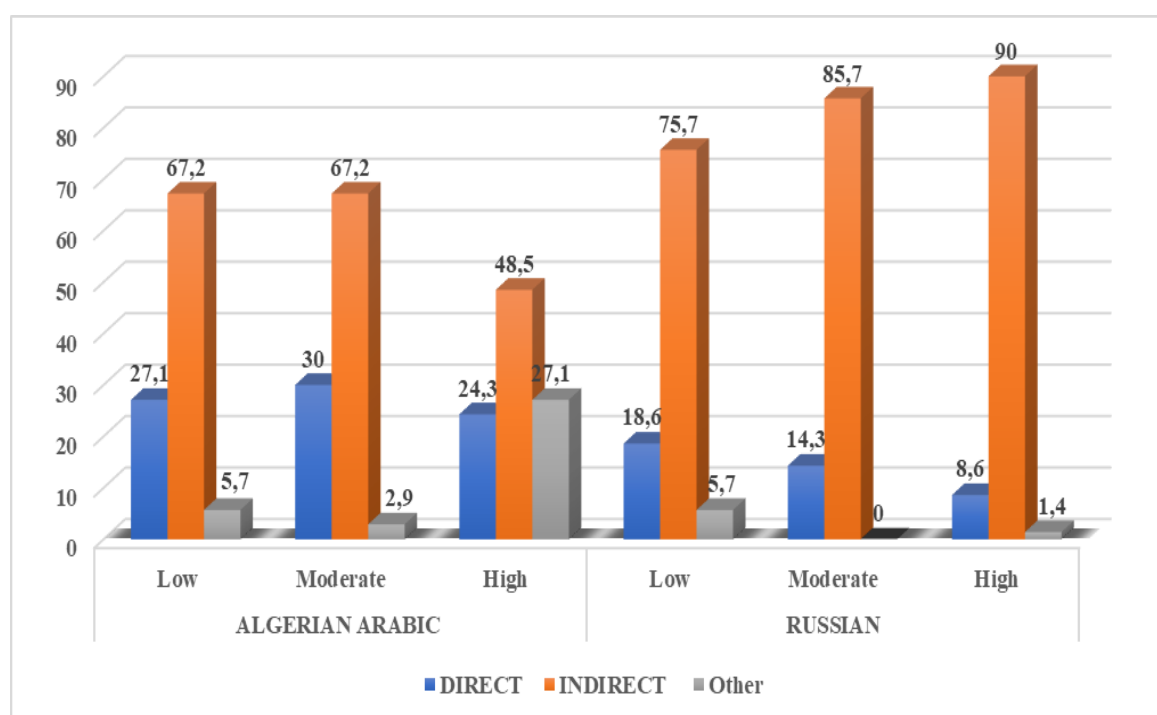

Figure 1: Algerian and Russian student's Request to the teacher

Both groups performed the conventional indirect requests in the form of interrogative constructions with modals *تقدر/Можете* (can you). In Russian data, we also observed (*не*) *могли бы* (could you). Using ability questions aims to mitigate the illocutionary force of requests using internal modification of the head act by syntactic downgraders.

- (1) *تقدر تعاودلي من فضلك؟ (Can you repeat for me, please?)*
- (2) *Можете повторить, пожалуйста? (Can you repeat, please?)*

The modal verb *could* with negation in the Russian context, is used to form hypothetical statements and contributes to minimising assumptions about the Hearer's ability to perform the act. Negation comes here as a syntactic downgrader and another marker of the Negative politeness strategy "be pessimistic", which mitigates the Request:

- (3) (*Не*) *Могли бы Вы отправить задание мне на почту? (Could you send the homework by email?).*

Furthermore, the results reveal a clear correlation between the degree of indirectness and the level of imposition in the Russian context. As the level of imposition escalated, the frequency of direct requests diminished, while the prevalence of indirect requests increased. In the third situation, which involved a high level of imposition (Request for an additional consultation), the incidence of indirect requests among Russian students reached 90%, in contrast to 48.5% in the Algerian context:

- (4) *Не могли бы Вы дать мне консультацию по пропущенной теме? (Could you give me a consultation on a missed topic?)*

Conversely, the correlation between indirectness and imposition is less evident in the Algerian context, occasionally leading to intriguing contradictions. For instance, in situations 1 (request to repeat what the teacher said) and 2 (request to send the homework by email), which featured low and moderate levels of imposition, the proportion of indirect utterances was 62.7%. However, in situation 3, characterised by a high level of imposition (Request for an additional consultation), the percentage of indirect utterances decreased to

48.5%. This anomaly, wherein an increased level of imposition correlates with reduced indirectness, adds an intriguing dimension to the study.

(5) *دكتور الله يحفظك تقدر تعطيني استشارة بعد الحصة (Doctor, may God protect you, can you give me a consultation after the class?).*

(6) *استاذ من فضلك استشارة (Sir please a consultation).*

Algerian students may have compensated for their low level of indirectness in this situation by opting not to make requests at all. In 27.1% of instances, Algerian students noted that they would not ask their teacher for an additional consultation as they would not like to impose on the teacher's time. Additionally, there may be a fear of a potential negative response from the teacher that could deter students from making requests.

Concerning the syntactic models of Request and its correlation with the cost of imposition, it was noticed that the most Russian students by requesting extra time and efforts from the part of teachers out of the classroom obligations, refrained from making a request based solely on the Hearer's 's perspective (57.1 %) (example 7) giving a significant rise in both speaker perspective (14.3%) (example 8) dissociating the Hearer from the discourse and impersonal utterances (11.4%) dissociating the Speaker and the Hearer from the discourse (example 9) in accordance with Negative politeness strategies.

(7) *Можете найти время для меня и провести консультацию по пропущенным темам? (Can you find time for me and give me a consultation about the missed lessons?).*

(8) *Могу я попросить Вас дать мне консультацию. Пожалуйста? (Can I ask you to give me a consultation, please).*

(9) *Возможно ли провести нам консультацию по теме, которую я пропустила? (Is it possible to give us a consultation on a topic that I missed?)*

In the Algerian data, the modal verb 'can' was the most used syntactic downgrader used in different perspectives, especially in the third situation where the rank of imposition was high. The Speaker's perspective (Can I/ *تقدر*) (example 10) was used more frequently to avoid addressing the Hearer directly. The impersonal perspective (Is it possible/ *ممکن*) (example 11) was also observed in Algerian students' requests for a consultation. Still, it was less frequent than in situations with low or moderate costs. With low and moderate cost of imposition, Algerians utilised the Hearer perspective (*تقدر*/ Can you) the most, and its use was not impacted by the degree of imposition, as it increases with moderate imposition and decreases with low one:

(10) *أستاذ تقدر تستشيرك على الدروس اللي فاتتني (Sir, can I consult you about what I have missed ?)*

(11) *كاين إمكانية تعاودلي الدروس اللي فاتتني كي كنت مريض (Is there a possibility to repeat for me the lessons I missed when I was sick?)*

This finding aligns with the researchers' observations, who articulate that "avoiding naming the hearer as an actor can reduce the form's level of coerciveness" (Blum-Kulka et al. 1989: 19). In addition, Leech (1983) notes that requests can be softened by deliberately avoiding direct reference to the hearer and instead focusing on the Speaker (Leech 1983: 134). Impersonal utterances further alleviate the impact on the hearer by framing the implied action as a hypothetical possibility.

The examination of lexical modifiers usage indicates that the politeness marker *please* was predominantly favoured by Russian students, suggesting a cultural predisposition toward explicit politeness in their requests. Although the Russian politeness marker *пожалуйста* used to occur exclusively with imperative constructions (Betsch 2003: 280), it also occurred in ability questions in our data (40% in situation 1, 44.2% in situation 2, and 11.4% in situation 3), showing a tendency to increasing indirectness in the Russian language:

(12) *Можете повторить, пожалуйста, что Вы сказали? (Can you repeat please what have you said?)*

In contrast, Algerian students preferred to invoke religious prayers and blessings, effectively utilising divine references as softening mechanisms such as *ربي يحفظك، ربي يخليك... (May God protect you, May God give you long life...)* to soften their requests to teachers:

(13) الشيخ الله يحفظك تقدر تعاود واش قلت؟ (Sheikh, may God protect you can repeat what have you said?)

(14) الله يحفظك أستاذ / تقدر تبعتلي الواجب بالايمل (May God preserve you sir, can you send the homework by email?)

This divergence underscores the profound influence of cultural values in shaping communicative practices. Algerians draw upon religious frameworks to convey respect and politeness.

In addition to internal modification, supportive moves (grounders, apology, addressing) were used as external modifiers of the head act of Request to soften its illocutionary force. The findings showed, that in general, the Russian respondents demonstrated the tendency of a more frequent use of supportive moves (Fig. 2).

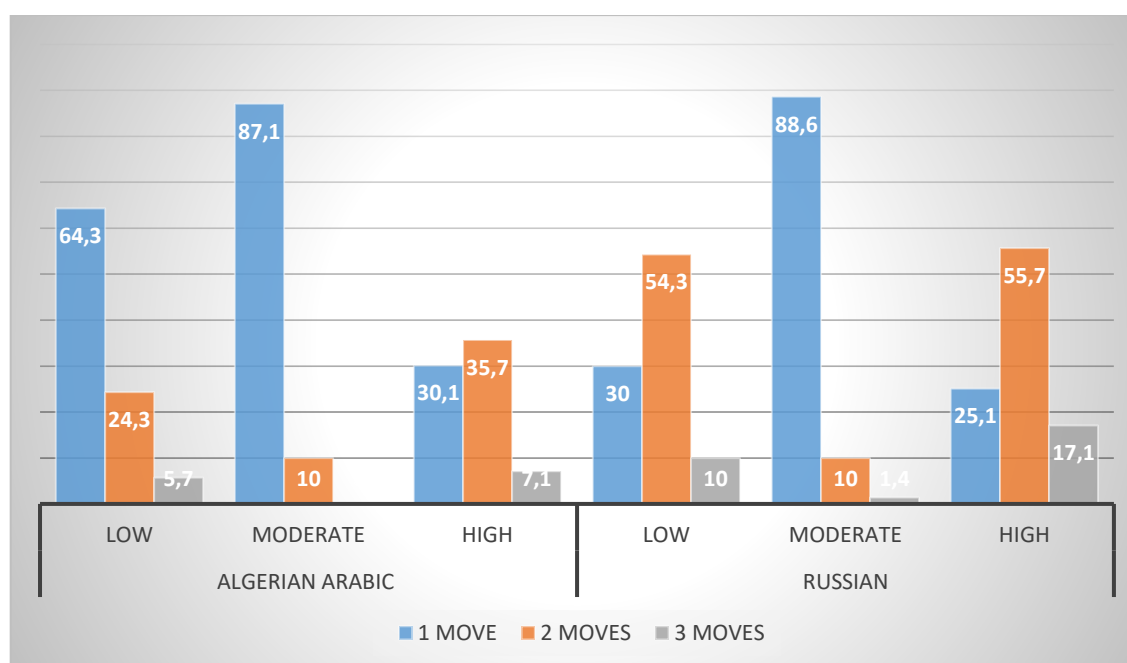

Figure 2. The length of the student's Request

In the first scenario, characterised by a low level of imposition, Algerian students predominantly utilised a straightforward communication style, favouring a single request move (64.3%), which resulted in concise requests. This preference indicates a focus on directness in their interactions.

(15) واش قلت عاود (Repeat what you have said).

In contrast, Russian students demonstrated a more elaborate approach, with a notable inclination toward multiple moves, particularly two moves (54.3%). They often incorporated apologies as a negative politeness strategy, which shows the Speaker's unwillingness to impose and thus confirms his/her cooperation.

(16) Извините, не могли бы вы повторить? (Excuse me, could you repeat?)

10% of Russian students used a three-move request adding a grounder to apology.

(17) Извините, можете, пожалуйста, повторить? Я не расслышала (Excuse me, can you repeat that, please? I didn't hear you).

This behaviour suggests a heightened awareness among Russian students in addressing the face-threatening nature of their requests, even in situations with minimal imposition.

As the imposition cost increased to a moderate level in the second scenario, both groups unexpectedly exhibited a significant reduction in request length compared to the first

situation. They adopted frequently short one-move requests with approximately the same frequency in both groups. This adaptation demonstrates a strategic effort to balance politeness while maintaining brevity. Notably, the frequency of two or three moves declined, indicating that students sought to streamline their requests rather than complicate them with excessive grounders or apologies. This outcome highlights the notion that communication efficiency takes precedence over extensive politeness strategies at moderate levels of imposition.

Although Algerian and Russian students used the same range (10%) of requests in combination with another supportive move (2-moves) in this situation, these supportive moves were distributed between grounders and apologies in Algerian requests, and only apologies accompanied requests in Russian data as a Negative politeness strategy.

(18) *أستاذة تقدرني تبعثيلي الواجب بالايمل لاني عندي ظرف خاص (Teacher, can you send me the homework by email because I have certain circumstances).*

(19) *اسمحي الشيخ، معليش تعثلي الواجب بالايمل؟ (Sorry, sir, is it possible to send the homework by email?)*

(20) *Извините, не могли бы Вы, пожалуйста, прислать домашнее задание на почту? (Sorry, could you, please send the homework by email?)*

Long requests (apology+request+grounder) (3 moves) were absent in the Algerian data and it was only observed once in the Russian data.

In the third situation, characterised by a high cost of imposition, the dynamics have changed significantly: the number of laconic requests consisting of one move has significantly decreased, while requests containing justification or apology have become predominant. The number of requests consisting of three moves (apology+request + justification) has also increased significantly (7.1% in the Algerian material and 17.1% in Russian). Russians used the apology strategy more actively in all situations as evidence of their unwillingness to impose, often combining it with a reasoning strategy that justifies the commission of an imposing act.

(21) *Извините, есть какая-то возможность провести консультацию, я болела и не смогла присутствовать (Sorry, is there a possibility to have a consultation, I was sick and I could not attend).*

Overall, the results show that the Russian style of communication between students and teachers is more formal than the Algerian style, as evidenced by the increased use of strategies to mitigate the impact of the request on the addressee, as well as the use of Negative politeness strategies (politeness of distance).

Finally, addressing the hearer emerged as a critical supportive move in modifying requests. This practice was more prevalent and formal in Algerian than in the Russian context. By using respectful forms of address (*sir/ أستاذ, doctor/ دكتور, professor/ بروفيسور, or Sheikh/ الشيخ*) Algerian students demonstrate a commitment to acknowledging their teachers' high status and negative face wants, thereby conveying a deep sense of respect. The Russian students conventionally use a less formal addressing – first name +patronymic name.

Section 3.3. Top-down context (teacher's Request to the student) explores requests in the situations characterised by an asymmetrical top-down relation, a certain horizontal distance between interlocutors, and varied cost of imposition (low – Request for repetition), (moderate – Request to send the homework by email), (high – Request to carry the books to the library).

The findings yield valuable insights into the dynamics of power and politeness in teacher-student interactions within Algerian and Russian classroom environments. They reveal that both groups predominantly employ direct requests when the Speaker holds more power than the Hearer, which aligns with the framework proposed by Scollon and Scollon

(1995, 2001), indicating that teachers feel confident in asserting their demands without the need to soften their requests:

(22) رجاء يا طلبة ارسلوا لي الواجب عبر الایمایل (Please, students, send your homework by email).

(23) Отправьте мне, пожалуйста, свою работу (Send me please your work).

However, Russian teachers appeared to be more indirect than Algerian ones in situation 2 (14, 3% to 8,5%) and situation 3 (58,6% to 51,4%) (Fig.3).

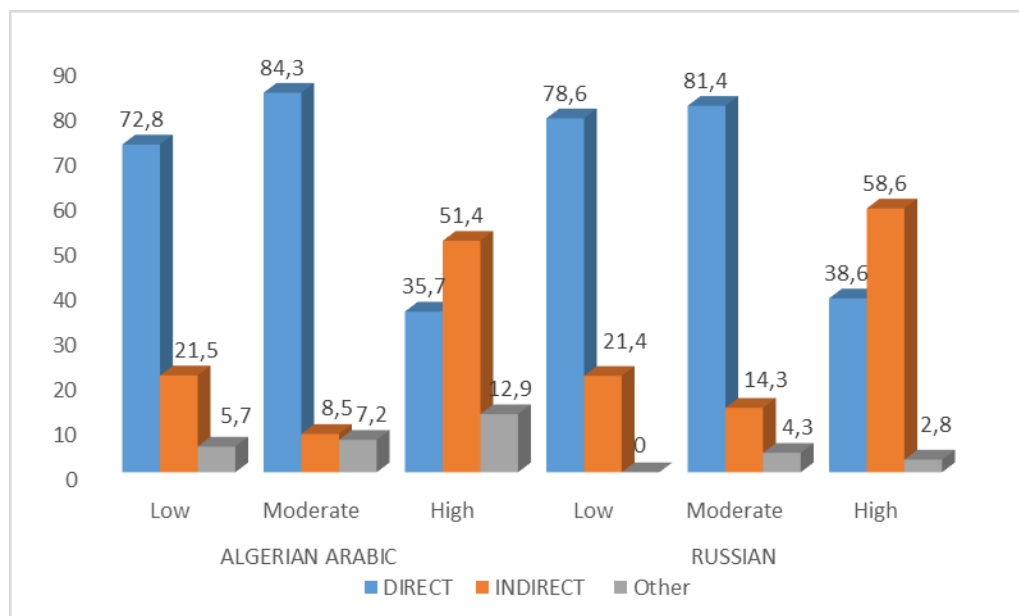

Figure 3. Algerian and Russian teacher's Request to the student

While direct requests are preferred in situation 1, characterised by a low level of imposition, teachers utilised conventionally indirect requests more frequently in the last situation, when the cost of imposition was high.

(24) هل يمكنك أن تأخذي لي كتيبي إلى المكتبة من فضلك؟ (Can you take my books to the library, please?)

(25) Не могли бы Вы, пожалуйста, помочь отнести книги в библиотеку? (Can you help me take the books to the library?)

Thus, teachers utilised ability questions with the modal verb *can*, and used a Negative politeness strategy “Be conventionally indirect”. Moreover, Russian teachers adopted the verb (не)могли бы (*could*) as a negative politeness strategy “Be pessimistic”:

(26) Не могли бы Вы отнести мои книги в библиотеку? (Could you take my book to the library?)

The findings showed that Russian teachers particularly favoured these polite constructions adopting more indirect approach compared to their Algerian counterparts, which can indicate to a less pronounced power distance and consideration to students' individual autonomy.

Concerning syntactic and lexical modifiers the findings showed that both Algerian and Russian teachers heavily utilised the hearer perspective utterances when making indirect requests in various contexts. They primarily relied on the politeness marker *пожалуйста* / من فضلك (*please*). However, Russian teachers demonstrated a stronger preference for it (40.1 %), compared to Algerian ones (34.2%). In contrast to the previous situation (students' requests to teachers), Algerian teachers did not use religious blessings to soften their requests. This choice is likely stems from religious terms being mainly used in Arabic dialects (like Algerian Arabic), while teachers use standard Arabic “Fusha” in classroom settings.

It is worth noting that while both groups used modifiers and were more indirect in high-cost scenarios, the Russian teachers showed a greater tendency for mitigated requests, indicating that the level of imposition had a stronger impact on their choices.

Regarding the supportive moves, the study revealed that they are used by teachers to a limited extent. Thus, short one-move requests emerged as the predominant form utilised by both participant groups across all situations at approximately the same frequency (Fig. 4). Even the limited use of supportive moves (grounders or apologies) was approximately the same in both groups' requests.

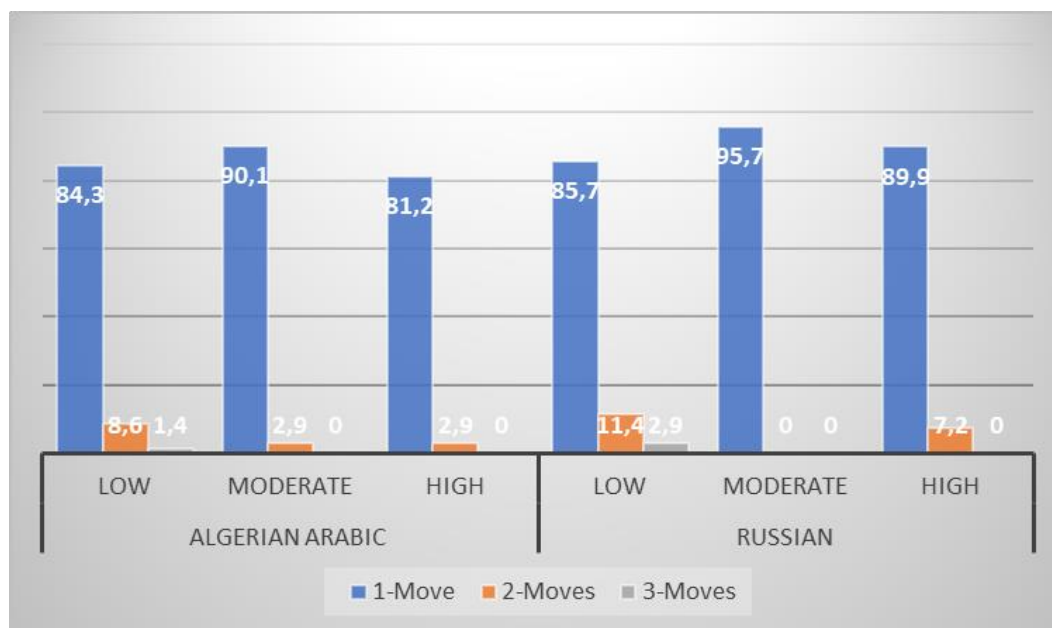

Figure 4. The length of the students' Request

The main addressing practices utilised by Algerian teachers were kinship address terms, such as *بنيتي* (*my daughter*) and *بني* (*my son*), which serve as a positive politeness strategy “use in-group identity markers” reflective of the collectivist nature of the society. Conversely, some educators employ more formal terminology, such as *طالبة/طالب* (*student*), owing to the official academic context. Russian teachers used the first name to address their students.

Overall, the study showed that the governing factor in teachers' requests performance is primarily the power index and the distance between the interlocutors. It is noteworthy that while teachers did not seek to modify their requests, either internally or externally, to enhance politeness, the impact of imposition was particularly evident in the third situation, which encompassed requests that fell outside the remit of the students' classroom duties.

In a symmetrical context, described in **3.4. Linear context (student's Request to student)** the requester and the requestee have equal power, the social distance is approximately close, and the only variable is the rank of imposition, which varied from low (Request for/to borrow an extra pen), moderate (Request to send the homework by email) to high (Request to help with the homework). The findings highlight both similarities and differences in the influence of power, distance, and levels of imposition within this context.

The results showed that indirect requests were again more common among Russian students than Algerians in all situations (Fig. 5). Even in a low-cost imposition scenario, 68,8% of Russians performed their Request indirectly.

(27) *Можешь дать мне ручку?* (*Can you give me a pen?*)

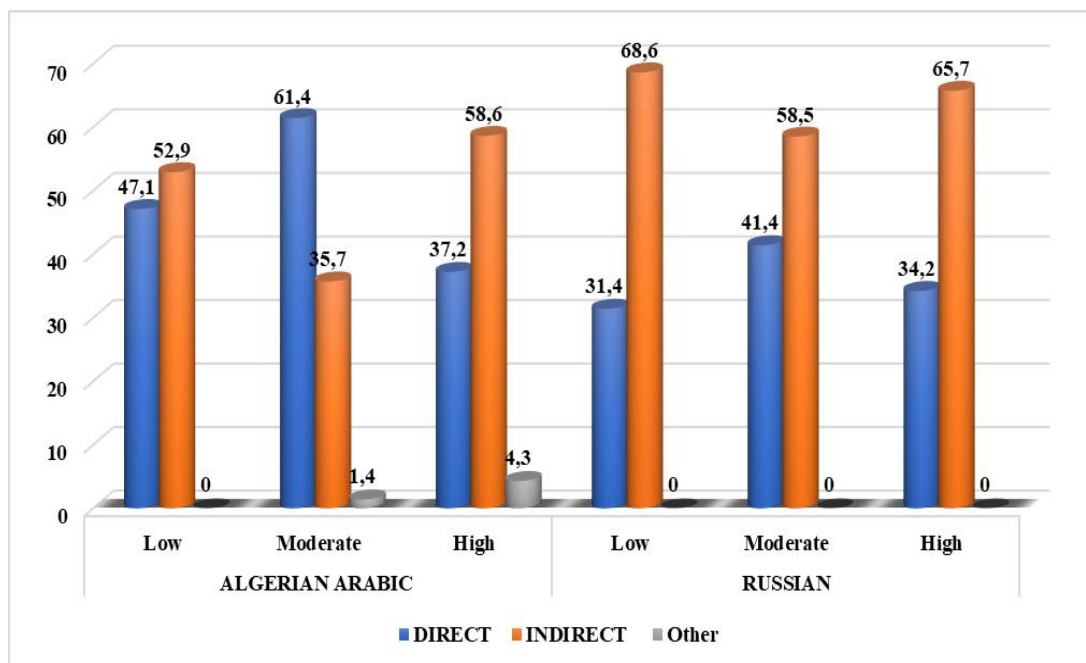

Figure 5. Algerian and Russian student's Request to the student

The same tendency can be observed in other situations. While 58,5% of Russian students employed indirect strategies to request their classmate to send the homework, 61,4% of Algerian students preferred direct requests adding a religious blessing to it:

(28) *Мог бы ты прислать мне домашнее задание по почте?* (Could you send me the homework by email?)

(29) *ابعتلي الواجب بعد الحصّة الله يسترّك* (send me the homework after the class, may God preserve you).

The findings align with previous research on Arabic communicative cultures, which has emphasised the straightforward nature of requests, especially among friends and family members (Abdul-Sattar et al. 2009; Al-Marrani & Szalanie 2010).

The negative politeness strategy “Be conventionally indirect” and “Questions” are performed by adopting ability questions with the modal verb *تقدر/можешь* ‘can’, which was the only syntactic downgrader used by Algerian students:

Russians also used the modal verb *(не) мог бы* (could) to reduce the directness through the use of Negative politeness strategies of minimizing the assumption about the hearer’s wants/abilities and being pessimistic:

(30) *Извини, не мог бы ты одолжить мне ручку?* (Sorry, could you lend me a pen?)

The hearer-oriented perspective was the most used request perspective in this situation, especially by Russian participants. Although this model also prevailed in Algerian requests, other models, such as speaker-oriented, inclusive and impersonal, were also observed, which seemed somewhat unexpected.

Furthermore, the Russian participants utilised *пожалуйста* ‘please’ as a politeness marker:

(31) *Можешь скинуть домашнее задание после пары, пожалуйста?* (Can you send the homework after the class, please?)

Algerians preferred the religious blessings to soften their requests:

(32) *صاحبني العزيز السلام عليكم، راني مزروب نخرج عندي ظرف تقدر تبعتلي الواجب كي تروح الله يحفظك؟* (My dear friend, peace be upon you, I am in a hurry I have some circumstances, can you send the homework when you go back home, may God protect you).

Overall, the findings showed that the cost of imposition had a greater impact on Russian students' use of lexical downgrades to soften and perform requests and it did not significantly affect Algerian students' use of these modifiers.

The external modifiers (supportive moves) analysis revealed that the short one-move Request was observed most frequently and at approximately the same frequency in the low and moderate cost of imposition (84.3% and 75.7% in Algerian data and 85.7% and 71.4% in Russian data respectively). As the cost of imposition increases, the number of models consisting of two moves increases in both contexts. (Fig. 6).

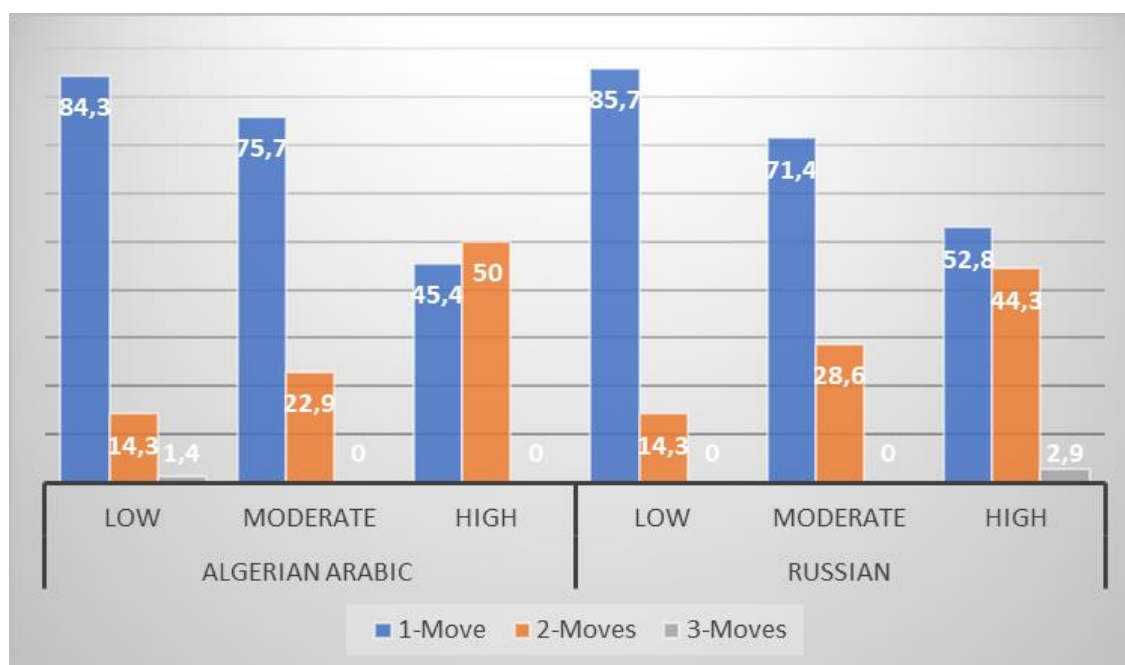

Figure 6. The length of the students' requests

The data revealed that the frequency of the use of two-move requests increased in the situations with moderate and high cost of imposition in both contexts, while the combinations with three moves were hardly observed.

The main external modifiers students used in the linear context are grounders, apologies, and address forms. It was noticed that while Russian students gave preference to apology, Algerian students preferred to accompany their requests with grounders.

(33) صاحبي، تكسر قلمي وما عنديش قلم ثاني اذا عندك واحد زايد تقدر تعطيهولي نكتب بيه (My pen has broken, and I do not have another one, if you have an extra pen can you give it to me to write?)

(34) Извини, не одолжишь мне ручку? (Excuse me, could you lend me a pen?)

The impact of the cost of imposition of the request was also noticed in the third situation, where 50% of Algerian students accompanied the request with justification, and 44.3% of Russian students added to it either an apology or reasoning. Requests involving three moves were noticed only in isolated cases.

Common forms of address used by Algerian students included "friend, صاحبي", "my colleague, زميلي", "my brother, خويا", and "my sister, اختي", reflecting the Algerian Islamic cultural principle of brotherhood and mutual support. In contrast, Russian students predominantly utilised first names and nicknames.

The results suggest that the tendency of Algerian students to use fewer modifiers, both internal and external, to mitigate requests is explained by the notion that equal power and proximity eliminate the need for such mitigation and mitigation strategies are applicable only in circumstances involving a high cost of imposition. The findings show that in Russian culture, the performance of a request is much more determined by its cost of imposition, and even with equal and relatively close relationships, the personal autonomy of the addressee is taken into account.

The conclusion synthesises the findings and prevailing tendencies in the choice of politeness strategies among Algerian and Russian participants concerning request types, perspectives, and the internal and external modifiers utilised in university contexts.

The study demonstrates that politeness in classroom requests is a dynamic phenomenon shaped by a range of sociocultural variables, as illuminated through the discursive approach. The analysis confirms that while power, distance, and rank of imposition all influence the choice between direct and indirect requests, their relative importance differs across cultural contexts. Specifically, Algerian classroom discourse is more strongly influenced by hierarchical power relations. In contrast, Russian requests are more sensitive to the cost of imposition.

Therefore, Russian teachers and students are less direct than Algerians. This finding suggests that the speech act of Request is less face-threatening in the Algerian cultural context based on interdependence; conversely, the mitigation of imposition of the performed speech acts is given greater concern in Russian culture, which suggests a greater importance of personal autonomy. As a result, Negative politeness strategies as well as mitigating tools are more typical of Russian classroom discourse.

The study argues that the directness exhibited by Algerian participants should not be interpreted as rudeness or impoliteness. Rather, this directness is an accepted communicative practice within Algerian culture, particularly when softened by specific mitigating expressions such as religious phrases (Dendenne 2017). These religious formulas not only signify a sense of religious affiliation but also serve a pragmatic function in influencing the behaviour of others (Nazzal 2005: 255-256).

Importantly, the findings challenge the Anglo-centric perspective that equates requests with indirect speech acts, showing that directness and politeness are not mutually exclusive and can be realized through culturally specific linguistic resources. Algerian requests tend to be more direct, attributable to the prevailing vertical distance and less pronounced horizontal distance in comparison to Russian context. At the same time, Russian discourse reflects a different balance of social variables.

These findings correlate with cultural values and social organization of society. The tendency towards straightforward requests in the Algerian context can be explained by the predominance of vertical distance and less pronounced horizontal distance in Algerian culture compared to Russian. As a result, power and solidarity are highly valued in Algerian academic environments. Russian discourse reflects a different balance of social variables.

Ultimately, these results underscore the intricate relationship between language, culture, cognition and communication, and support the value of a discursive approach for capturing the complexity of speech acts in diverse social environments. This research thus provides theoretical refinement and practical insights essential for second language teaching and effective intercultural communication.

Finally, the conclusion highlights the study's limitations and outlines avenues for future research. Future research could expand the geography of the material by including data from other regions. It could also use different data collection methods, such as natural data, and consider gender and age factors. Additionally, it could explore other speech acts used in educational discourse in a cross-cultural perspective.

The main results of the present research were published in the subsequent articles:
I. Scopus-indexed articles:

1. Saadna, Sarra. 2024. The Influence of Religion on the Speech Act of Request in Algerian Arabic: The Case of Classroom Discourse. *Religiovedenidenie*, 1. 78-89. ISSN: 2072-8662 [https://doi.org/ 10.22250/20728662_2024_1_78](https://doi.org/10.22250/20728662_2024_1_78) (Scopus).

2. Saadna, Sarra and Mouas, Samia. 2024. Gender-Related Differences in the Performance of Request in the Algerian Classroom Discourse. *Translang Journal*, 23(1). 161-185. ISSN: 1112-3974. <https://doi.org/10.52919/translang.v23i1.977> (Scopus)

3. Saadna, Sarra. 2025. Politeness and In-Directness in Algerian and Russian Classroom Requests. *Acta Linguistica Petropolitana*, 20(3). 209–232. ISSN: 2306-5737 e-ISSN: 2658-4069 [https://doi.org/ 10.30842/alp23065737203209232](https://doi.org/10.30842/alp23065737203209232) (Scopus)

II. The articles published in VAK-indexed journals:

4. Saadna, Sarra. 2023. Politeness Strategies in Algerian and Russian Students' Requests. *Cognitive studies of language*, 1(1). 138-142. ISSN: 2071-9639. (VAK).

III. Related publications:

5. Saadna, Sarra. 2024. A Comparative Study of Request: Perspectives in Algerian and Russian Students' Classroom Discourse. *Language and communication in the context of culture*. 220-224.

6. Saadna, Sarra. 2023. Politeness Strategies in Teachers' Requests in Algerian and Russian Classroom Discourse. *Discourse studies: advances and applications*. 43.

SAADNA Sarra
(People's Democratic Republic of Algeria)

Politeness Strategies in request in Algerian and Russian classroom discourse

Politeness strategies are crucial linguistic tools for establishing and maintaining effective communication in classroom settings, particularly in multicultural environments. The usage of these strategies can vary widely across cultures, leading to potential misunderstandings and communicative failures. This research aims to identify and contrast the politeness strategies employed in requests within Algerian and Russian classroom discourse, and to determine how socio-cultural variables influence their choice, interpreting the observed differences through the lens of culture and cognition. It examines the performance of requests in symmetrical and asymmetrical contexts, varying in power, distance, and rank of imposition, focusing on pragmatic, functional, and stylistic characteristics. Data for the study were collected through a Discourse Completion Task (DCT) questionnaire administered to 140 university students—70 from Algeria and 70 from Russia. The analysis employed both quantitative and qualitative methods, drawing on sociolinguistics, cross-cultural pragmatics, discourse analysis, and cultural studies. The findings revealed that requests can be expressed both directly and indirectly, where Algerian requests generally lean towards a more direct style than their Russian counterparts. In the Russian academic context, requests are often articulated indirectly, frequently utilising negative politeness strategies and internal and external modifiers that are less characteristic of Algerian discourse. Moreover, the findings indicate that social variables such as power distance, social distance, and the rank of imposition primarily determine the types of requests, whether direct or indirect, and the selection of politeness strategies. Notably, these influences manifest differently across cultural contexts. In Algerian classrooms, the index of power is a more prominent determinant of requests, while in Russian contexts, the cost of imposition emerges as the most critical factor, although considerations of power and distance are still present. This inclination towards a more direct request style in Algerian academic discourse may be attributed to a greater vertical distance in power dynamics, which encourages straightforwardness in hierarchical relationships, alongside to a less pronounced horizontal distance. The findings challenge the Anglo-centric perspective that equates requests with indirect speech acts, showing that directness and politeness are not mutually exclusive, and politeness can be realised through culture specific linguistic resources. Algerian requests tend to be more direct, attributable to the prevailing hierarchical distance and less pronounced horizontal distance in comparison to Russian context. At the same time, Russian discourse reflects a different balance of social variables and values, as well as the teacher and student roles. These results underscore the intricate relationship between language, culture, cognition and communication, and support the value of a discursive approach for capturing the complexity of speech acts in diverse social and cultural environments. They may be relevant for sociolinguistics, cross-cultural pragmatics, discourse analysis, contrastive linguistic and cultural linguistics. They can be used in teaching Arabic and Russian as a foreign language, as well as in translation and intercultural communication.